МИЧМАНЪ ПОЦѢЛУЕВЪ,

или

ЖИВУЧИ ОГЛЯДЫВАЙСЯ.

I. ПЕРВАЯ ВСТРѢЧА.

Въ Полтавѣ, на площади передъ памятникомъ, стоялъ, вечернею порой, молоденькой офицеръ въ дорожномъ сертукѣ на распашку и фуражкѣ. Онъ выставилъ одну ножку впередъ, окидывалъ бѣглымъ взоромъ памятникъ, то улыбался, то слегка призадумывался, и наконецъ, перемѣнивъ ногу, и поднявъ правую руку, сказалъ вдохновенно:

И надъ тобой, о мирная Полтава,
Петра съ Россіей вѣковая слава
На полѣ ратномъ бранью разразилась,
И воспаривъ орломъ...

и замолчалъ, споткнувшись о четвертую риѳму, которая какъ то въ эту минуту не далася.

Между тѣмъ, другой офицеръ, худощавый, рослый, смуглый, съ небольшою просѣдью на тридцатомъ году, мѣрными шагами подходилъ по площади къ тому же памятнику и остановился передъ нимъ, по другую сторону. И это былъ проѣзжій, но сертукъ его застегнутъ на всѣ крючки и пуговицы; запыленные, мишурные эполеты на плечахъ; пѣнковая трубка на трехцвѣтномъ, черномъ, ранжевомъ и бѣломъ, шнурѣ на шеѣ; дворянская медаль на груди, дорожная сабля на отлетѣ и пистолетъ за портупеей. Выставивъ ногу на цѣлый аршинъ впередъ, скрестивъ руки, вперилъ онъ неподвижный, испытующій взоръ въ подножіе памятника, и думное, угрюмое чело избороздилось морщинами. Давно не бритая, рѣдкая борода ощетинилась ёжикомъ, голова наклонилась впередъ, брови грозно насупились, губы сомкнулись — и во всей осанкѣ этого пѣхотнаго офицера, съ огромнымъ палашемъ при бедрѣ, было что–то рыцарское, причудливое. Простоявъ нѣсколько минутъ истуканомъ, онъ вдругъ

пошелъ вокругъ памятника и встрѣтился съ молоденькимъ мичманомъ, который въ это время также снялся съ якоря и хотѣлъ было подо всѣми парусами безъ брасопки обогнуть памятникъ кругомъ. Сошедшись вплоть, мичманъ отскочилъ проворно въ право — рыцарь, желая посторониться, также шагнулъ въ сторону и оба опять столкнулись. За тѣмъ, каждый снова посторонился, желая дать мѣсто встрѣчному, оба вдругъ приняли въ противную сторону и опять сошлись грудь съ грудью и лицемъ къ лицу. Рыцарь поднялъ голову, и блѣдное, обозначенное рѣзкими чертами, лице выражало какую–то разсѣянность и недоумѣніе. Мичманокъ робко пробормоталъ: виноватъ — взялся подъ козырекъ, а въ голубыхъ очахъ его, на кругломъ молочномъ личекѣ и въ улыбкѣ написано было, что ему хотѣлось захохотать, но онъ смирился передъ испытующимъ взоромъ новаго Баярда.

Я позабылъ сказать, что у мичмана борода была также не бритая, потому, что еще не выросла.

II. ПРІЕМНАЯ ЗАЛА.

Обошедши памятникъ вокругъ, поэтъ и рыцарь, мечъ и цѣвница, встрѣтились снова по другую сторону, но были уже оба гораздо осторожнѣе и раскланявшись съ какою–то принужденною вѣжливостію, очистили другъ другу дорогу — никто однако же не проходилъ; а когда, послѣ нѣсколькихъ секундъ томительнаго ожиданія, оба, насмотрѣвшись видно вдоволь на памятникъ, вдругъ поворотили въ сторону, то увертливый мичманъ съ трудомъ избѣгнулъ новаго карамболя и оробѣлъ, встрѣтивъ угрюмо–грозный взоръ рыцаря. Но наружность обманчива: рыцарь сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ, поэтъ ухватился за нихъ — оказалось, что оба они намѣрены были идти за подорожною, которую вытребовали у нихъ, для засвидѣтельствованія, въ канцелярію генералъ–губернатора, и новые попутчики, знакомые незнакомцы, отправились вмѣстѣ

черезъ площадь въ домъ главнаго мѣстнаго Начальника.

Взошедъ на крыльцо, поворотили они въ первыя двери на лѣво, въ пустыя сѣни, въ которыхъ не было даже и лавки, не только стула, и рыцарь твердымъ шагомъ прошелъ сѣни и отворилъ вторую дверь, которая, какъ оказалось, вела въ Канцелярію. Писецъ вскочилъ съ мѣста, спросилъ: что вамъ угодно? а между тѣмъ отворилъ дверь въ сѣни и понуждалъ офицера двусмысленнымъ словомъ: *пожалуйте,* и движеніемъ руки, выдти. Рыцарь вытянулся, сталъ твердою ногою и сказалъ, что пришелъ за подорожною. «Сейчасъ, извольте обождать» продолжалъ писецъ, указывая на растворенную дверь; но какъ кавалеръ бронзовой медали насупилъ брови и не трогался съ мѣста, то перочинный художникъ объявилъ ему безъ обиняковъ, что постороннимъ людямъ, какого бы званія они ни были, запрещается входить въ Канцелярію, въ этотъ таинственный храмъ безъимяннаго божества, жреца или жрицы — и указалъ на прибитый къ

дверямъ листъ, за подписью генералъ–губернатора. Рыцарь прочиталъ — пожалъ плечами и вышелъ въ пустопорожнія сѣни; взглянулъ раздраженнымъ перуномъ на молодаго пѣснопѣвца, скрестилъ руки и принялся ходить взадъ и впередъ, саженными шагами, при чемъ далъ палашу своему полную свободу чертить на разгулѣ по полу, стучать и брянчать сколько ему было угодно. Мичманъ прислонился къ окну, перекинулъ ноги на крестъ, сложилъ руки и принялся разсматривать — носокъ своего сапога.

Прошло добрыхъ полчаса — мичманъ поглядывалъ украдкой то на дверь, то на грознаго рыцаря, когда этотъ оборачивался къ нему спиною — а рыцарь шагалъ все чаще и смѣлѣе, громче и шире, и вытаскивалъ по временамъ изъ кармана за претолстую цѣпочку, съ большими, рѣзными печатями, старообразные часы, поглядывалъ на нихъ, прикладывалъ къ уху, и, казалось, очень удивлялся, что они стояли, хотя это въ сущности была для него не новость. Наконецъ, потерявъ терпѣнье,

кавалеръ подошелъ къ дверямъ Канцеляріи, разставилъ ноги вилами, подбоченился лѣвою рукою, въ которой держалъ фуражку, а правою, согнувъ указательный палецъ и оборотивъ его колѣнцемъ къ двери, стукнулъ мѣрными ударами трижды. Писецъ или чиновникъ выглянулъ, придерживая дверь рукою, заткнувъ перо за ухо, спросилъ опять: «что вамъ угодно?» и на требованіе рыцаря отдать подорожную, отвѣчалъ снова: «сей часъ, извольте обождать» а за тѣмъ притворилъ дверь и исчезъ.

Рыцарь оборотился къ окну и уставилъ такой грозный, отчаянный взоръ на піиту, что этотъ привсталъ и вытянулся и опустилъ руки, не зная, что сказать. «Пойдемъ–те къ генералъ–губернатору», сказалъ рыцарь, протянувъ дружески руку; обрадованный мичманъ подалъ ему робко свою и оба вмѣстѣ, рыцарь, какъ наставникъ, піита, какъ послушное дитя, котораго ведутъ за руку, отправились было по лѣстницѣ, ведущей вверхъ — но кавалеръ вдругъ раздумалъ, грозно

взглянулъ на попутчика своего, выпустилъ руку его и воротился. Къ счастію вскорѣ вынесли обѣ подорожныя — герой палаша принялъ свою, окинувъ подателя съ ногъ до головы взглядомъ, который, казалось, могъ измолоть и измочалить живаго человѣка въ лыки — а мичманъ, въ смиреніи своемъ, покосился робко на грознаго попутчика своего — оба вышли, раскланялись, и каждый отправился туда, гдѣ остановился.

III. САМОЗВАНЦЫ.

Мичманъ нашъ ѣхалъ, ѣхалъ, и ему вздумалось на одной станціи заглянуть, отъ нечего дѣлать, въ разгонную книгу. Съ удивленіемъ разсматривалъ онъ послѣднюю, еще незасохшую записку, въ которой говорилось: «отъ Могилева до Николаева, Киштымскаго пѣхотнаго полка штабсъ–капитану барону Аделю фонъ Адельсбургу» — и прочее. Какой же это Адельсбургъ, подумалъ мичманъ, и откуда онъ взялся, когда смотритель вносилъ это при мнѣ и съ моей подорожной? мичманъ

оборотился съ вопросомъ этимъ къ смотрителю, и этотъ, глянувъ въ книжку, смотрѣлъ на мичмана, какъ будто не понимая его, и наконецъ сказалъ: «да вѣдь это вы сударь, это ваша подорожная.» Мичманъ, въ свою очередь, не понималъ смотрителя и взглянувъ раза два поперемѣнно на него и на книжку, развернулъ наконецъ подорожную свою, которую держалъ въ рукахъ, и прочиталъ: «отъ Могилева до Николаева, Киштымскаго пѣхотнаго полка штабсъ–капитану барону Аделю фонъ Адельсбургу» и перечитывалъ это нѣсколько разъ, и все не понималъ ни слова, хотя подорожная написана и напечатана была очень четко. Смотритель догадался въ чемъ дѣло и спросилъ: «что вы, сударь, обмѣнили что ли гдѣ подорожную свою?»

— Видно обмѣнилъ, отвѣчалъ піита — и видно обмѣнилъ еще въ Полтавѣ.

«Да ваша же на чье имя была?» продолжалъ съ участіемъ смотритель.

— На мое, сказалъ Мичманъ, на мое собственное.

— Да вы же кто изволите быть такіе?

— Да я 28 го флотскаго экипажа мичманъ Поцѣлуевъ, и ѣду изъ Петербурга, а не изъ Могилева.

«Ну, продолжалъ смотритель, такъ вы свою подорожную нагоните, вотъ съ полчасика тому, не больше, по ней проѣхалъ, такъ, смугловатъ изъ себя, поджарый офицеръ, высокій, и страхъ сердито глядитъ.»

Мичманъ взглянулъ въ книгу и увидѣлъ, что дѣйствительно передъ нимъ проѣхалъ изъ Петербурга въ Николаевъ, мичманъ Поцѣлуевъ. Онъ собрался на–скоро, сѣлъ и поскакалъ, въ догонку за своей подорожной.

IV. ПОПУТЧИКИ.

Прибывъ на слѣдующую станцію, Поцѣлуевъ къ удивленію своему услышалъ, что тёзка не тёзка, а однопрозванецъ его, не проѣзжалъ. Нашъ мичманъ не зналъ что подумать, куда дѣвался баронъ съ чужою

подорожною — и не успѣлъ еще покончить думы и рѣшить окончательно, что это все равно, и что ему также точно можно доѣхать до Николаева съ баронскою, какъ и съ своею подорожною, когда услышалъ колокольчикъ, а въ слѣдъ затѣмъ увидѣлъ и самого барона, въ палашѣ, съ медалькой, съ трубкой, въ какой–то вычурной фуражкѣ, съ лаковымъ околышемъ и подбородною цѣпочкой. Баронъ встрѣтилъ нашего мичмана насупившись и надувшись и заостривъ неподвижныя очи, какъ стрѣлы — и Поцѣлуевъ не зналъ какъ подойти, какъ приступиться, чтобы не раздражить грознаго Губерта. Слово за слово, дѣло объяснилось, рыцарь удивлялся этому странному, непонятному случаю, до чрезвычайности, но былъ такъ снисходителенъ, что свалилъ всю вину на чистописателя, обмѣнялся подорожною, и, узнавъ при этомъ случаѣ, что нашелъ попутчика и сверхъ того еще земляка, предложилъ ему ѣхать вмѣстѣ. Поцѣлуевъ трусилъ немного, правду сказать, и гораздо охотнѣе поѣхалъ бы одинъ; попутчикъ его

глядѣлъ какимъ–то неразгаданнымъ звѣремъ и неопытный мичманъ не понималъ вовсе, что значитъ это грозное лице и осанка, при учтивомъ и мягкомъ обращенiи героя; — но, отказаться, на это у него не стало духу; по этому попутчики сѣли и поѣхали вмѣстѣ, на одной перекладной.

V. МИЧМАНЪ ПОЦѢЛУЕВЪ.

Смарагдъ Петровичъ Поцѣлуевъ былъ сынъ помѣщика Екатеринославской губернiи, воспитывался въ морскомъ корпусѣ, былъ выпущенъ мичманомъ, назначенъ въ Черноморскiй флотъ и ѣхалъ теперь въ Николаевъ.

Смарагдъ былъ мальчикъ съ хорошими способностями, съ доброю, дѣтскою душой, родился подъ благодѣтельнымъ влiянiемъ созвѣздiя лиры и былъ поэтъ. Такъ по крайней мѣрѣ ему самому казалось; хотя сущность дѣла заключалась въ томъ, что Смарагдъ вступилъ въ тѣ лѣта и отношенiя, когда всякой человѣкъ съ душой и

чувствомъ дѣлается поэтомъ, и стиховъ не пишетъ только тотъ развѣ, кому своенравная природа положительно отказала въ способности, расположить готовую мысль мѣрными стопами и закончить ихъ риѳмою. Въ самомъ дѣлѣ, есть люди, которые рѣшительно не въ состоянiи написать самое будничное четырестишiе. Они пишутъ прозою хорошо, цвѣтисто, въ прозѣ ихъ есть поэзiя, но они не въ состоянiи сложить четыре стиха, сколько бы ни бились. Если такихъ людей по справедливости называютъ, въ этомъ отношенiи, бездарными, то Смарагдъ Петровичъ былъ юноша даровитый; онъ писалъ стишки, не смотря на недавнее упражненiе свое въ искусствѣ этомъ и малую опытность, довольно складно и свободно, даже не рѣдко на обумъ, вдругъ, но — генiй его былъ слабосиленъ; это была обыкновенно одна только вспышка и начатое стихотворенiе оставалось не доконченнымъ. Начать стихотворенiе было ему легко, во всякое время, почти не стоило труда; но продолженiе и конецъ

всегда откладывались на неизвѣстный срокъ и очень рѣдко исполнялись.

Поцѣлуевъ получилъ дома отъ матери, Нѣмки, благонравное воспитанiе, мечтательное воображенiе, курчавый волосъ, бѣлое лице и голубые глаза; отъ отца, Русскаго, беззаботный нравъ, не глупую голову, довольно широкiя плеча и крѣпкое здоровье. На тринадцатомъ году, поступилъ онъ въ Морской Корпусъ, пробылъ тамъ пять лѣтъ и теперь, съ эполетами, шитымъ воротникомъ и саблею на черномъ лаковомъ ремнѣ черезъ плечо, увидѣлъ свѣтъ.

Поцѣлуевъ, какъ острый, но скромный и чулый мальчикъ, который выросъ дома безъ розогъ, этой необходимой принадлежности и приправы всякаго порядочнаго воспитанiя, Поцѣлуевъ понялъ, въ первые три дня своего пребыванiя въ Корпусѣ, что здѣсь всего вѣрнѣе и безопаснѣе, какъ можно менѣе попадаться на глаза, не пускаться никогда и ни въ какiя дѣтскiя игры, а сидѣть прижавшись къ стѣнкѣ, тише воды, ниже

травы. Такъ было въ то время въ Корпусѣ; я знаю, что теперь совсѣмъ иное; я говорю о давнопрошедшемъ. Тогда сѣкли съ большимъ прилежанiемъ каждаго, кто попадался въ такъ называемой шалости, то есть, кого заставали за какимъ бы то ни было занятiемъ, кромѣ учебныхъ тетрадей; а кто не попадался, того оставляли въ покоѣ, разсуждая весьма основательно, что нельзя же пороть всѣхъ, поголовно; дежурный барабанщикъ и такъ уже не успѣвалъ припасать розогъ.

Но Поцѣлуевъ по крайней мѣрѣ обогатилъ въ корпусѣ знанiе Русскаго языка; и вотъ вамъ цѣлый списокъ новыхъ словъ, принятыхъ и понятныхъ въ Морскомъ корпусѣ; читайте и отгадывайте: бадяга, бадяжка, бадяжникъ, новичокъ, нетлѣнный, копчинка, старикъ, старина, стариковать, кутило, огуряться, огуряло, отказной, отчаянный, чугунный, жила, жилить, отжилить, прижать, прижимало, сводить, свести, обморочить, втереть очки, живые очки, распечь, распекало, отдуть, накласть горячихъ, на фартъ, на ваганъ, на

шарапъ, фурочкой, фурка, и прочее и прочее. Поцѣлуевъ, кромѣ того, научился повиноваться безпрекословно всякому старику, то есть старому кадету, въ широкихъ, собственныхъ брюкахъ, въ затяжкѣ, въ портупейкѣ, или ременномъ, лаковомъ поясочкѣ съ мѣднымъ наборомъ и левиками. Въ классахъ было много кадетовъ и каждымъ заниматься учителямъ не досужно; по этому они требовали по крайней мѣрѣ, чтобы кадеты сидѣли тихо, не шумѣли и не кричали; и смирный по неволѣ считался прилежнымъ.

И такъ, собственно кадетская жизнь оставила въ Поцѣлуевѣ не много поэтическихъ воспоминанiй; но какъ онъ былъ за то счастливъ и доволенъ, когда *вышелъ* въ гардемарины и пошелъ, на плоскодонномъ фрегатѣ, до красной горки! тяжеленько мальчику сидѣть изъ году въ годъ за рѣшеткой — неминуемая участь всѣхъ тѣхъ, у которыхъ нѣтъ родныхъ, или сострадательныхъ знакомыхъ въ столицѣ — и какъ отрадно за то подышать воздухомъ на свободѣ, быть гребцомъ, марсовымъ,

понимать и слушать команду вахтеннаго и чувствовать себя полезнымъ и нужнымъ на своемъ мѣстѣ — отдать брамъ–фалъ, взять кливеръ на гитовы, по командѣ, или даже спустить засловомъ флагъ или гюйсъ — а наконецъ, объѣдаться изюмомъ, орѣхами, пряниками, всегдашнею морскою провизіею гардемаринъ, ходить въ рабочей, измаранной смолою, рубахѣ, подпоясавшись портупейкой, въ фуражкѣ на ремешкѣ или цѣпочкѣ, чтобы ее не сорвало вѣтромъ; купаться, кататься на гребномъ суднѣ, не ходить цѣлый мѣсяцъ въ классы и двигать руки и ноги на свободѣ — о, это знаетъ только тотъ, кто это испыталъ.

Но послѣ одного раздольнаго и разгульнаго мѣсяца, слѣдуетъ одиннадцать однообразныхъ, затворническихъ. Малодушіе опять беретъ верхъ и, засыпая и просыпаясь, трехъ–кампанецъ досчитывается уже по пальцамъ дня, или по крайней мѣрѣ мѣсяца выпуска. Легко сказать, вольный казакъ — офицеръ, самъ себѣ господинъ, въ эполетахъ — съ

саблей — никто не смѣетъ высѣчь — легко сказать, а воля ваша, голова закружится отъ этого внезапнаго перехода. Право не мудрено, что многіе, въ неистовой, необузданной радости своей, кидаются въ крайности и распоряжаются, какъ новые, неопытные хозяева, свободою своею довольно дурно. Нашего Поцѣлуева въ этомъ упрекнуть было нельзя; онъ опьянѣлъ, когда надѣлъ мундиръ и пошелъ свободно, безъ провожатаго, по Невскому проспекту и юнкера передъ нимъ вытягивались и весь міръ передъ душою его раскрылся на всѣ четыре стороны — но упоительныя мечты унесли его въ одну только, самую невинную крайность: онъ видѣлъ все, весь міръ, въ радужныхъ цвѣтахъ и розовой оболочкѣ и сдѣлался, на первый случай, поэтомъ.

VI. БАРОНЪ АДЕЛЬ ФОНЪ АДЕЛЬСБУРГЪ.

Баронъ Губертъ Рудольфовичъ Адель фонъ Адельсбургъ былъ сынъ — отца

своего, барона древней германской отрасли, коего предки съ давнихъ временъ поселились въ Курляндіи. Старый баронъ, въ молодыхъ лѣтахъ еще, раззорился, утратилъ довольно значительное имѣніе свое въ залогѣ, по виннымъ откупамъ сосѣднихъ губерній, и перенесъ жестокій ударъ этотъ съ твердостію; но онъ не хотѣлъ уже оставаться на родинѣ, и служить у равныхъ или даже низшихъ, по роду и родословной, и пошелъ управлять имѣніемъ русскаго боярина, въ южную Россію. Тамъ жилъ онъ спокойно, покинувъ всѣ затѣи и высокомѣрные замыслы, и женился въ Екатеринославской губерніи, на внучкѣ сербскаго выходца Екатерининскихъ временъ, взялъ въ приданое бѣдную деревеньку, зажилъ было опять кой–какъ помѣщикомъ, но вскорѣ умеръ.

Вотъ почему нашъ кавалеръ бронзовой медали былъ баронъ, прозывался Адель фонъ Адельсбургъ, и между тѣмъ, по матери, исповѣдывалъ православный законъ, а по мѣсту рожденія, по

воспитанію, природному языку, былъ Русскій, и еще Екатеринославецъ, то есть землякъ Смарагда. Смуглое, сухощавое лице, рѣзкія черты, каріе, острые глаза, изобличали въ немъ кровь южныхъ Славянъ; высокій ростъ, величавая, медленная поступь и рыцарскій духъ, нѣмецкаго барона древняго поколѣнія. Онъ служилъ, какъ всѣ бароны у насъ, въ гвардіи, а какъ Украинецъ, въ конницѣ — былъ переведенъ за поединокъ въ армейскій пѣхотный полкъ, тѣмъ же чиномъ, перенесъ этотъ ударъ судьбы, по примѣру отца, безъ ропота, безъ жалобы, признавалъ судъ надъ собою справедливымъ, но и себя, въ дѣлѣ своемъ, правымъ. Гербъ Губерта изображалъ: на бѣломъ полѣ обнаженный мечъ и кровавую полосу поперегъ; по четыремъ угламъ цвѣли: роза, незабудка, лилія и фіалка. Истолковавъ и пояснивъ по произволу гербъ этотъ, баронъ признавалъ себя и мечъ свой урожденнымъ защитникомъ невинности, бѣлаго цвѣту, и видѣлъ въ четырехъ цвѣткахъ иносказательное

изображеніе пола, которому считалъ святымъ долгомъ посвятить всю жизнь свою. Это былъ баснословный рыцарь среднихъ вѣковъ, ожившій и олицетворившійся дивнымъ образомъ, въ прозаическія времена паркетнаго шарканья, мундировъ съ перехватами, и лайковыхъ бальныхъ перчатокъ — переродившійся, обрусѣвшій нѣмецкій баронъ, Баярдъ, въ русскомъ пѣхотномъ мундирѣ, словомъ, *рыцарь* Губертъ Рудольфовичъ! Въ первый разъ слышу, что рыцарей также зовутъ по имени и отечеству. Онъ носилъ на груди мѣдное, древнее распятіе вершка въ четыре; никогда не ходилъ безъ дворянской медали; на часовой цѣпочкѣ его висѣли три гербовыя печати разныхъ величинъ; на указательномъ лѣвомъ пальцѣ, былъ у него огромный перстень съ рѣзнымъ гербовымъ камнемъ; въ фуражкѣ, въ шляпѣ его и на всѣхъ вещахъ, даже на визитныхъ билетикахъ, — былъ наклеенъ отпечатанный съ мѣдной досчечки гербъ его, съ раскинутою повязкой, на которой можно было прочитать: *Мой мечъ твой щитъ*.

Лишившись, съ переводомъ въ пѣхоту, сабли и шпоръ, о чемъ очень скорбѣлъ, баронъ носилъ, по крайней мѣрѣ въ дорогѣ, огромный, рыцарскій мечъ, передѣланный по наружности на кирасирскій палашъ и привѣшивалъ его всегда къ поперечной портупеѣ золоченою цѣпью. Со шлемомъ предковъ своихъ, парою разрозненныхъ налокотниковъ, и круглымъ щитомъ, на которомъ былъ когда–то расписанъ красками гербъ бароновъ, и съ серебряными, древними запястьями праматери своей, Гертруды, Адель Адельсбургъ никогда не разставался, а таскалъ вещи эти на всѣхъ домашнихъ походахъ и стоянкахъ съ собою, и развѣшивалъ ихъ на каждомъ привалѣ и ночлегѣ надъ изголовьемъ своего ложа. При всѣхъ странностяхъ этихъ, баронъ былъ добрѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, былъ готовъ принести себя на жертву всякому доброму дѣлу — но на бѣду принимался за это обыкновенно очень не впопадъ и не кстати, не въ ладъ и не вмѣру, и, вмѣсто одолженія, надоѣдалъ и докучалъ

всякому. Поединокъ, напримѣръ, за который онъ былъ исключенъ изъ гвардіи, завязался вотъ съ какого повода: прогуливаясь вечеромъ, поздно, по Невскому, благородный баронъ встрѣтилъ офицера, который заговаривалъ очень не застѣнчиво съ красавицею, слѣдуя за нею по пятамъ. Если бы баронъ сколько нибудь удостоилъ разобрать дѣло пообстоятельнѣе, то онъ бы безъ труда убѣдился, что здѣсь каждый третій человѣкъ былъ лишній, что бесѣдующіе вовсе не нуждались въ третейскомъ судѣ; но баронъ былъ тогда особенно въ духѣ видѣть угнетенную невинность, разгоряченное воображеніе его подстрекнуло, онъ ввязался въ дѣло, объявивъ себя заступникомъ прекраснаго пола; наконецъ, не могъ вынести обиднаго отвѣта встрѣчнаго фоблаза и принужденъ былъ его вызвать. Такимъ образомъ попадался баронъ уже не въ первый разъ; но, какъ рыцарь кровью и душой, не исправлялся, не измѣнялся, а продолжалъ спасать и воевать и заступаться, тамъ, гдѣ его никто объ этомъ не просилъ и называлъ

людей, которымъ надоѣдалъ и докучалъ, неблагодарными.

Этотъ нравъ обозначался въ наружности, въ станѣ, и во всѣхъ пріемахъ барона, вырѣзался на замѣчательномъ лицѣ его, какъ семейный гербъ, служившій вывѣскою и клеймомъ книжки барона, фуражки, пистолета, собаки, даже стола и стула, если только барону случалось обзаводиться ими какъ своею собственностію. Баронъ былъ тощъ и сухъ, расхаживалъ какъ на ходуляхъ, подбоченивался, задумывался и забывался на каждомъ шагу, Богъ вѣсть о чемъ; удивлялся всему, подозрѣвалъ всѣхъ и все, морщился, хмурился, сводилъ и разводилъ Сербскія брови свои, и вѣчно глядѣлъ грознымъ перуномъ, между тѣмъ какъ онъ, если его ничего не раздражало, былъ кротокъ какъ дитя, и добръ, какъ пятнадцати–лѣтняя дѣвица. Но гдѣ только касались слабой его струны, рыцарства, тамъ онъ былъ неукротимъ какъ левъ, и готовъ былъ стрѣляться десять разъ въ одинъ день.

VII. ПОРТОВОЙ ЗАШТАТНЫЙ ГОРОДЪ.

Сидя рядомъ на телѣжкѣ, попутчики наши почти во всю дорогу молчали; баронъ дичился, а мичманъ не смѣлъ его безпокоить. Послѣднiй однако же узналъ отъ молчаливаго, угрюмаго товарища своего, что этотъ посланъ въ Николаевъ, съ двумя пѣхотными унтеръ–офицерами, которые ѣдутъ сзади, для обученiя матросовъ фронтовой службѣ. Маловажное, по видимому, обстоятельство это, еще болѣе напугало робкаго мичмана — фронтовая служба была въ то время во флотѣ — не приманкою; и еще особенно для Черноморскаго флота. Старые, заслуженные офицеры, съ трудомъ только привыкали къ вытяжкѣ и выправкѣ; а молодежь, глядя на нихъ, также кряхтѣла и пугалась премудрости этой. Нынѣ уже не тѣ времена: офицеры и матросы наши показали подъ Варною, и особенно подъ Анапою, что они хорошiе пушкари и

бомбардиры, отличные саперы, — славные егеря и застрѣльщики, и смѣлые охотники на приступѣ. — Но въ то время было не то: сказываютъ, что когда баронъ нашъ, для перваго опыта, вздумалъ сдѣлать, по обязанности своей, одному экипажу баталіонное ученье, а въ послѣднемъ взводѣ не оказалось даже двухъ человѣкъ, которые шли въ ногу, да сверхъ того еще штыки надъ головами крестились и цѣплялись одинъ за одинъ, и благородный баронъ, въ неукротимомъ порывѣ отчаянья, заломивъ руки, воскликнулъ: «Боже мой! это что за народъ?» то крайній матросъ въ задней шеренгѣ, порываясь попасть въ ногу и стоптавъ уже тремъ передовымъ своимъ всѣ закаблучья, придерживая лѣвою рукою прикладъ ружья, снялъ фуражку и оборотившись къ вопрошающему, отвѣчалъ съ незлобною улыбкой: «мы съ глубокой пристани, Очаковскіе, ваше благородіе!»

Боже мой, подумалъ кавалеръ бронзовой медали, какъ времена перемѣнчивы! Очаковскіе! Какое громкое, звучное, славное имя! Очаковскіе! такъ

изводится родъ человѣческій: и возмите названіе, какое угодно, самое громкое и блестящее въ старину, славное, великое, напримѣръ названіе какого нибудь знаменитаго, неприступнаго замка, и назовите нынѣшнихъ жителей его этимъ именемъ, и припомните въ тоже время старину, не горькая ли это насмѣшка надъ славою прадѣдовъ?

Такъ мечталъ и заносился угрюмый Губертъ Рудольфовичъ, глядя съ презрѣніемъ на нынѣшнее недостойное ополченіе Очакова, между тѣмъ какъ попутчикъ его ходилъ по богохранимому граду Николаеву, распахнувши врата сердца своего настежъ, и приговаривая встрѣчному и поперечному, съ улыбкою на устахъ и глазахъ: милости просимъ! Смарагдъ былъ неутомимъ въ визитахъ, въ засвидѣтельствованіи почтенія, искалъ знакомства въ каждомъ домѣ, гдѣ было болѣе трехъ оконъ на улицу, принималъ каждое свѣтское приглашеніе: «прошу быть знакомымъ» — въ буквальномъ смыслѣ, и являлся, беззаботливо и безпечно, на

другой же день, къ обѣду или къ вечеру; а если въ домѣ была милая хозяйка, или еще, упаси Богъ, дочери, то Смарагдъ обживался тамъ въ сутки, а много въ двои, и былъ какъ дома, сохраняя однако же всегда врожденную живому нраву его скромную говорливость, вѣжливость и услужливость. Его любили вездѣ; пожилые семейные люди, считая себя всѣ нѣкоторымъ образомъ начальниками его, потому что всѣ они были морскаго вѣдомства, говорили ему привѣтливо ты; маменьки этого города — въ то время по крайности — очень любили проворныхъ и обязательныхъ молодчиковъ, всегда готовыхъ на любую услугу; а Смарагдъ безотказно готовъ былъ сбѣгать десять разъ на день, съ образчикомъ ленты или тафты, въ лавки; попросить компаснаго мастера, чтобы велѣлъ починить расклепавшіяся ножницы; конопатнаго, чтобы, при вставкѣ двойныхъ рамъ, прислалъ законопатить окна; фонарнаго, чтобы починить въ каретѣ фонари; а столярнаго, чтобы велѣлъ надѣлать сотни двѣ вилочекъ, для пришпильки бѣлья,

которое безъ этого срываетъ вѣтромъ и валяетъ на земь; Смарагдъ, съ особеннымъ жаромъ схватывалъ шапку свою и пристегивалъ кортикъ, не длиннѣе, если не короче, вязальнаго прутка, когда просили его проводить семейство вечеромъ на прогулку, на знаменитый бульваръ, позади Адмиральской улицы, надъ Ингуломъ; не отходилъ ни на мигъ, если просили его состоять при свитѣ, по случаю какого нибудь сборища, напримѣръ спуска корабля, или театральнаго представленія штурманскихъ учениковъ — поняньчиться съ платкомъ или шалью, и прочее.

Баронъ былъ совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ къ обществу. Онъ соблюдалъ все, что хорошій тонъ можетъ требовать отъ степеннаго человѣка, но онъ не искалъ никакого знакомства, рѣдко бывалъ въ домахъ, хотя и не пропускалъ ни одного собранія большаго общества. Онъ никогда не улыбался, глядѣлъ зорко, пристально, сложивъ руки, подбирался и вытягивался, подходя къ барынѣ или дѣвицѣ и отпускалъ обдуманныя, изысканныя и тяжеловатыя

учтивости. На него смотрѣли всѣ, какъ на чудака; предубѣжденіе урожденныхъ флотскихъ и портовыхъ противу армейщины здѣсь ничѣмъ не опровергалось; дѣвицы пугались угрюмой молчаливости барона, когда онъ молчалъ, и боялись еще болѣе важнаго, рѣшительнаго и, привлекающаго общее вниманіе, приступа барона, когда онъ, разшаркиваясь, подходилъ, какъ на театрѣ, и отпускалъ затверженныя пошлости. Я не говорю, чтобы барышни наши, въ то время, слушали охотно однѣ только не пошлыя учтивости; но по крайней мѣрѣ — есть на все снаровка и ухватка, образъ и способъ; можно сказать одно и тоже, однѣ и тѣже слова, такъ и эдакъ; можно шепнуть что нибудь во время кадрили — не французской, которой тогда еще не довезли до заштатныхъ городовъ, а простой — можно шепнуть что нибудь, какъ будто оно вырвалось у васъ невольно, невзначай, и можно, или лучше сказать, нельзя возгласить тоже самое во всеуслышаніе, разшаркавшись, какъ голландскій пѣтухъ и обративъ смѣшными

пріемами своими на себя и на того, съ кѣмъ говоришь, вниманіе цѣлаго общества. Но отказные враги барона были — всѣ тѣ, которые принадлежали не къ первой шеренгѣ общества, хотя они и втирались туда частенько, и даже похитили въ ней, нѣкоторые по крайней мѣрѣ, право гражданства. Это были именно мастеровые чины адмиралтейства: блоковый, канатный, парусный, столярный, конопатный, фонарный, токарный, котельный, шлюпочный, компасный, и Богъ вѣсть какіе еще мастера, впрочемъ люди въ чинахъ, въ почетныхъ званіяхъ — и главное — съ весьма хорошимъ достаткомъ. Жалованье ихъ было, конечно, очень не большое; но они жили хорошо, иные довольно открыто, давали за дочерьми очень порядочное приданое, на худой конецъ домикъ съ полнымъ хозяйствомъ; кромѣ того, въ цѣломъ городѣ рѣшительно не было мастероваго, за исключеніемъ имъ подчиненныхъ; и особенно не было такого, который сдѣлалъ бы все, что угодно, даромъ. — Всѣ эти обстоятельства,

согласитесь сами, уже достаточны для того, чтобы дать господамъ этимъ почетное мѣсто въ обществѣ, которое безъ нихъ не можетъ существовать.

Но баронъ Адель фонъ Адельсбургъ не признавалъ ихъ годными и достойными; онъ строго держался своего рыцарства и дворянства, и если благородство, въ смыслѣ чести, было для него неотъемлемою принадлежностію дворянина, то баронъ, на оборотъ, не всѣхъ благородныхъ, то есть чиновныхъ, признавалъ дворянами; по крайней мѣрѣ онъ мысленно исключилъ изъ бархатной книги своей всѣхъ господъ фонарныхъ, котельныхъ и компасныхъ — и чрезвычайно ловко и тонко, съ разборчивостію кавалера лучшаго свѣта и тона, умѣлъ показать это даже и въ обращеніи съ женскимъ поломъ мастероваго сословія.

VIII. ПОЦѢЛУЕВЪ ИЩЕТЪ ПОЦѢЛУЯ.

Баронъ полюбилъ на бѣду молодаго, откровеннаго земляка своего; сверхъ того, это было первое и сначала почти единственное его знакомство въ Николаевѣ — и благородный баронъ, воображая себя всегда защитникомъ и заступникомъ слабѣйшаго и почитая Поцѣлуева ребенкомъ, которому еще нуженъ дядька, предложилъ ему жить вмѣстѣ. Бѣдный Смарагдъ, не смѣя противиться волѣ своего грознаго, по виду, опекуна, потупилъ очи и — согласился. Смарагдъ вздыхалъ объ этомъ уже напередъ, вспоминая, изъ второй части теоріи и практики кораблевожденія Гамалѣя, что повитый лаврами мечъ* и беззаботная лира, хотя и находятся въ одномъ и томъ же сѣверномъ полушаріи, но раздѣлены на вѣки вѣчные млечнымъ путемъ и сойтись не могутъ, развѣ быть свѣтопреставленію. Не смотря на это, они наняли общую квартирку, не подалеку

* Friedrichs Ehre. Пусть его и не будетъ въ Гамалѣѣ, все равно.

вѣчнозеленой казенной аптеки — и расположились жить вмѣстѣ. Почему не такъ; были же времена, когда мечъ и цѣвница живали какъ братъ съ сестрой!

Баронъ далъ Смарагду лучшую изъ трехъ комнатокъ, и самъ занялъ какой–то получуланъ, въ которомъ господствовали всегдашнія сумерки. Щитъ, мечъ, гербъ, огромныя перчатки, даже наручни прабабушки, заняли обычное свое мѣсто; Смарагдъ убралъ комнату свою тремя трубками, кисетомъ, шляпой, — а клеенчатаго чахла, или еще и кивера, тогда не было — саблей, кортикомъ, десяткомъ учебныхъ и другихъ книгъ, гдѣ опять незабвенный Гамалѣй, обнявшій, въ сочиненіи своемъ, первый и доселѣ еще одинъ, всѣ отрасли сложной мореходской науки, занималъ первое почетное мѣсто; кромѣ того, Смарагдъ вскорѣ обзавелся шести–струнной, италіянской гитарой, которая, со временъ Сенявинскаго похода, у насъ, въ Черноморскомъ флотѣ, во всеобщемъ употребленіи. Скажемъ правду: Смарагдъ, на первое время по крайней

мѣрѣ, поглядывалъ иногда только, и то невзначай, на корешокъ своего Гамалѣя, а далѣе въ него не углублялся: вольность, свобода, своя воля, самъ себѣ господинъ — вотъ что текло теперь по жиламъ Смарагда и составляло всю жизненную полноту тѣла его, то, что врачи собственно называютъ turgor vitalis. Душа блаженствовала и мечтала, не заботясь ни о чемъ. Смарагдъ помнилъ и понималъ себя въ одномъ только этомъ смыслѣ; грудь его дышала свободно, душа купалась въ какомъ–то блаженствѣ, онъ былъ счастливъ, самъ не зная чѣмъ и отъ чего; онъ жилъ со всегдашнею улыбкой на устахъ, съ какимъ–то отблескомъ самодовольствія на голубыхъ глазахъ; словомъ, онъ жилъ, и жилъ впервые. На укромномъ столикѣ его лежали въ порядкѣ всѣ письменныя принадлежности и по крайней мѣрѣ на двадцати лоскуткахъ сдѣлано было начало какого нибудь пылкаго или очень чувствительнаго стихотворенія. Баронъ былъ для Смарагда добръ, предупредителенъ — но несносенъ. Губертъ Рудольфовичъ сдѣлался не только

хозяйственнымъ и нравственнымъ опекуномъ своего неровнаго товарища, но требовалъ отчета почти во всѣхъ помышленіяхъ его, не только въ поступкахъ. Если доблестный баронъ не былъ на ученьѣ, то Поцѣлуевъ обыкновенно бѣжалъ изъ дому; отчетность затрудняла его со дня на день болѣе; а сухость, суровость, положительное направленіе всѣхъ помышленій барона, приводили Смарагда Петровича въ совершенное отчаяніе. Къ этому присоединилась еще какая–то темная, безочетная ненависть моряка къ учителю фронтовой службы, тѣмъ болѣе, что учитель этотъ вздумалъ давать ученику своему дома, на досугѣ, частные уроки ротнаго и баталіоннаго ученья, отъ которыхъ отчаянный ученикъ бѣжалъ безъ оглядки въ первый и ближайшій знакомый ему домъ.

Повѣсть наша происходила въ тѣ времена, когда благоденствовали еще Хозяйственная, Исполнительная и Казначейская экспедиціи; когда жилъ былъ

и капитанъ надъ портомъ, именуемый обыкновенно за–просто *портовымъ;* когда было много совѣтниковъ, которымъ нынѣ уже ни слуху, ни духу. И первый, ближайшій домъ, куда бѣжалъ Смарагдъ, принадлежалъ одному изъ совѣтниковъ адмиралтейства, который жилъ открыто, не хуже самаго капитана надъ портомъ и умѣлъ при этомъ пользоваться еще и тѣмъ неоспоримымъ преимуществомъ надъ послѣднимъ, что выростилъ, выкормилъ и образовалъ сколько обстоятельства позволили, двухъ премилыхъ дочерей. Поцѣлуевъ былъ въ домѣ этомъ свой, влюблялся черезъ день, то въ Надю, то въ Наташу, и любилъ ихъ поочередно — страстно и жарко, до первой встрѣчи съ какою либо иною очаровательной дѣвицей, которыхъ было, какъ всюду, такъ и въ Николаевѣ, довольно: потому что и здѣсь, какъ вездѣ, Поцѣлуевы, съ братіею, многаго съ дѣвицъ не спрашивали, и не заботились ни о чемъ, кромѣ пригоженькаго ихъ личика. Изящный же вкусъ Николаевской молодежи, вѣрно не

уступалъ въ этомъ отношенiи ни въ чемъ вкусамъ иногороднымъ; помнится, по крайней мѣрѣ, что и въ то время уже о воспитанности и образованности дѣвушекъ разсуждали изрѣдка одни только родители; о качествахъ и способностяхъ умственныхъ и нравственныхъ толковать было приторно и пошло. У поэта нашего, у Смарагда, при новыхъ отношенiяхъ его, давно уже родилась мысль, съ которою онъ ложился, засыпалъ, няньчился во снѣ, просыпался и носился во весь день, до новаго сна. Поэтъ самъ видѣлъ, что ему поэзiя какъ–то не совсѣмъ еще далась, что чего–то не достаетъ, не хватаетъ, и онъ искалъ причину этому не въ себѣ, а въ отношенiяхъ внѣшнихъ. Первое, убiйственное для дара его обстоятельство, было сожительство съ несноснымъ барономъ; надобно, думалъ Смарагдъ, чѣмъ нибудь перевѣсить это, забыться; мнѣ нуженъ толчокъ, искра, и тогда — я чувствую, что все во мнѣ запышетъ полымемъ, я напишу что нибудь сильное, могучее, даровитое, самобытное. Искру эту

и толчокъ, электрическій ударъ этотъ, Смарагдъ нашелъ въ воображеніи своемъ и теперь ухаживалъ уже съ мѣсяцъ времени самъ около себя, не зная какъ бы справиться съ собою, настроить себя и заставить выполнить, осуществить на дѣлѣ, столь желанную мѣру. Что же, вы полагаете, поэтъ нашъ выдумалъ? Бездѣлицу: ему хотѣлось добыть, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, какимъ бы то ни было способомъ, одинъ только поцѣлуй миловидной дѣвицы, дѣвы, какъ онъ ее называлъ, а потомъ бѣжать домой безъ оглядки, запереться отъ докучливаго барона и просидѣть ночь на пролетъ надъ самодарнымъ твореніемъ своимъ, излить всѣ чувства свои въ какомъ нибудь подражаніи Нелединскому–Мелецкому, Мерзлякову, Дмитріеву, даже Карамзину, котораго стихотворенія, тогда еще, новостію языка своего, невольно поражали и восхищали. Пушкина еще не было; я думаю, что онъ бы свелъ съ ума нашего героя.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ мечтательной головѣ Поцѣлуева родилась эта, потрясающая душу, мысль, улыбка расцвѣла на немъ вдвое ярче прежняго, а таинственная поволока придала голубымъ очамъ его какое–то страдальческое выраженіе. Смѣшно и забавно было видѣть, какъ Смарагдъ выходилъ день за день на ловлю поцѣлуя и какъ недовѣрчивый и неотступный дядька его, баронъ, слѣдилъ воспитанника своего шагъ за шагомъ, какъ бралъ его въ допросъ, послѣ каждой прогулки и отлучки, какъ, при этомъ, горячая кровь Смарагда била ключемъ въ лице и въ голову, а Губертъ Рудольфовичъ Адель фонъ Адельсбургъ хмурилъ брови, морщилъ губы въ жемокъ, поглядывалъ изподлобья, сложивъ руки, наклонивъ голову, закидывая плеча и потомъ, тряхнувъ головою и оставивъ *скрытнаго* недоросля своего на короткое время въ покоѣ, отправлялся въ свою каморку, ходить взадъ и впередъ, по четыре шага въ оба конца, и думать: чтобы это такое значило? Поцѣлуевъ не тотъ что былъ; тутъ

что нибудь да кроется; мальчикъ молодой, легкомысленный, онъ можетъ влюбиться, надѣлать шалостей, погубить всю будущность свою — надо за нимъ присматривать; мнѣ его жаль.

IX. НЕЗВАННЫЙ СВИДѢТЕЛЬ.

Баронъ въ самомъ дѣлѣ сдержалъ слово свое: онъ слѣдилъ Поцѣлуева почти неотступно, рѣшился даже знакомиться, безъ обиняковъ, въ домахъ, гдѣ тотъ бывалъ, всѣмъ стало это кидаться въ глаза; таинственный баронъ честилъ посѣщеніями своими людей, которыхъ прежде не хотѣлъ и знать; приходилъ всегда слѣдомъ за воспитанникомъ своимъ, мало говорилъ, по всегдашнему обычаю своему, но много ломался, хмурился, всему удивлялся и зорко поглядывалъ на Смарагда, который алѣлъ и блѣднѣлъ отъ испытующаго взора опекуна своего и не зналъ куда дѣваться. Стали толковать объ этомъ болѣе и болѣе, стали допрашивать и Поцѣлуева, но не могли добиться никакого толку и

заключили, что баронъ чудакъ, какихъ не много на бѣломъ свѣтѣ. Барону до этого всего было мало нужды; онъ дѣлалъ свое: утромъ занимался ученьемъ, послѣ обѣда ученьемъ, а къ обѣду и вечеромъ отправлялся отыскивать по городу камрата своего, отъ котораго сталъ уже требовать довольно настойчиво, чтобы тотъ говорилъ ему напередъ, гдѣ будетъ обѣдать, гдѣ проводить вечеръ. Баронъ слѣдилъ неутомимо, и дослѣдился.

Смарагдъ, какъ мы сказали, спасаясь отъ домашнихъ уроковъ баталіоннаго ученья, схватилъ фуражку свою съ бѣлою выпушкой и полетѣлъ къ совѣтнику. Это было вечеромъ, и притомъ зимою; Ивана Ефимовича не было дома, а дѣвушекъ Смарагдъ засталъ за фортепіянами. Вышла и мать, подали чай, пошли въ гостинную, и, безъ дальнѣйшихъ околичностей, унесли туда и свѣчи изъ залы, гдѣ сдѣлались почти потемки, по крайней мѣрѣ болѣе чѣмъ сумерки. Смѣялись, шутили, бесѣда шла бѣглая, веселая; Надя и Наташа были очаровательны, особенно Наташа, на

которую Смарагдъ теперь преимущественно полагалъ надежды свои; зашелъ споръ о томъ, сколь высоко идетъ напѣвъ какой–то пѣсенки, потомъ заспорили, до которой нотки Надя возьметъ тоненькимъ голосочкомъ своимъ; Надя увѣряла, Смарагдъ не вѣрилъ, и она вскочила и пошла въ залу, сѣла беззаботно за фортепіяно, на которое частію упадалъ свѣтъ изъ дверей гостинной, стала перебирать однимъ пальчикомъ кости, выше да выше, и слѣдила за ними, попадая, какъ Богъ и учитель велѣли, звонкимъ голоскомъ своимъ. Смарагдъ сталъ за стулъ, шепталъ Надѣ на ухо, что выигралъ закладъ, что она не достаетъ чисто какое–то *фа* или *соль,* та оправдывалась, силилась достать выше и выше — Надя была мила, спорила, но казалась уступчива и не злопамятна — разговаривала промежуткомъ вслухъ, съ маменькой и сестрой, которыя сидѣли въ гостинной — Смарагдъ не могъ упустить этотъ благопріятный случай и — исполнилъ давнишній обѣтъ свой, совершилъ подвигъ, отъ котораго въ немъ

кровь мгновенно остыла, сердце заболѣло, очи ослѣпли. Надя пискнула едва слышнымъ голосомъ, взяла громкій и звучный аккордъ и сказала вслухъ, повысивъ голосъ: Наташа, поди сюда, споемъ что нибудь вмѣстѣ. Наташа вошла со свѣчею въ рукахъ — и баронъ Адель фонъ Адельсбургъ, стоя у дверей въ переднюю, противъ фортепіянъ, важно и величественно съ нею разшаркивался.

Надобно вамъ сказать, что баронъ вошелъ въ переднюю въ то самое время, когда чета наша, занятая громкимъ споромъ, выходила изъ гостинной въ залу; баронъ вошелъ потихоньку, притаился въ потьмахъ у самыхъ дверей; ему было очень любопытно увидѣть, что изъ всего этаго будетъ и чѣмъ это *глазъ* на *глазъ* въ потьмахъ кончится; баронъ прислушивался во всѣ уши, присматривался во всѣ глаза — и, если не могъ услышать всего, что говорено было шопотомъ, по промежуткамъ отводнаго разговора вслухъ, но по крайности видѣлъ довольно, гораздо болѣе,

чѣмъ кому нибудь, на мѣстѣ Смарагда и Нади, могло бы быть желательно.

X. НЕ ЛИТТЕРАТУРНОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

Баронъ, посидѣвъ у Ивана Ефимовича въ домѣ съ полчаса, въ самомъ угрюмомъ, дикомъ и отчаянномъ молчаніи, такъ, что нагналъ тоску и страхъ на хозяекъ и на однодума своего, на Смарагда, разсудилъ наконецъ и самъ, что видѣлъ довольно, что выжидать уже болѣе нечего и отправился домой. Смарагдъ не зналъ до какой степени баронъ проникъ въ тайны его, но какое–то волненіе и безпокойство томили его и гнали въ чистое поле. Оставшись еще на короткое время, потому только, что баронъ ушелъ, Смарагдъ взялъ однако же вскорѣ фуражку, вышелъ, снялъ съ себя шейный платокъ, накинулъ жиденькій плащъ на распашку, и пошелъ пройтись по обширной адмиралтейской площади, мимо артиллерійской слесарни, до полуразрушеннаго каменнаго квартала

казенныхъ домовъ, которыми съ этой стороны оканчивается городъ. Нахлебавшись вдоволь холоднаго вѣтру и прозябнувъ не много, Смарагдъ поворотилъ, прошелъ вдоль слободки до казенной аптеки и — робкою рукой отворилъ калитку своего жилья. Ему какъ-то очень тяжело было итти на свиданіе съ доблестнымъ барономъ, который ложился всегда очень поздно, а потому и теперь еще сидѣлъ, закинувъ голову, скрестивъ ноги, курилъ огромную пѣнковую трубку свою, пускалъ клубы дыма подъ самый потолокъ и барабанилъ пальцами по кожаному дивану отбой или переправу; а по временамъ насвистывалъ егерскіе сигналы. Какъ ни старался Поцѣлуевъ войти потихоньку, скорѣе раздѣться, лечь и притвориться соннымъ, чтобы потомъ, на свободѣ и безъ помѣхи, излить тайкомъ на лоскутъ бумажки чудныя вдохновенія нынѣшняго вечера — но баронъ его подстерегъ, вошелъ къ нему, походилъ, опять вышелъ, опять вошелъ и наконецъ сталъ Наполеономъ въ дверяхъ и сказалъ:

— Я не охотникъ до объясненій, Смарагдъ Петровичъ, но отношенія мои къ вамъ заставляютъ меня дѣлать это иногда противъ воли. Я давно уже подозрѣвалъ, глядя на васъ, какія нибудь неумѣстныя связи; видѣлъ, что съ вами что нибудь да дѣлается — но то, что я видѣлъ своими глазами сего дня — того я отъ васъ, какъ отъ офицера и дворянина, не ожидалъ.

— Что же вы такое видѣли, баронъ? спросилъ Поцѣлуевъ.

— Я видѣлъ, если вы непремѣнно хотите, чтобы я вамъ сказалъ это, отвѣчалъ баронъ, — я видѣлъ, что вы поцѣловали Надежду.

На одинъ только мигъ Смарагдъ было не много потерялся; вслѣдъ за тѣмъ, умилительное воспоминаніе возвратило ему языкъ, бодрость, веселость и шутливость. — О, сказалъ онъ, кто не обнимаетъ, хотя въ мечтахъ, эту усладительную богиню, надежду! — Но — если вы это видѣли, Губертъ Рудольфовичъ, если вы не шутите, тогда вы, конечно, видѣли много, гораздо болѣе, чѣмъ вамъ видѣть слѣдовало;

потому, что никому не позволяется видѣть то, чего нѣтъ и не было.

— Стой, молодой человѣкъ, воскликнулъ баронъ, разставивъ вилами и руки и ноги и всѣ десять пальцевъ, остановись, молодой человѣкъ, ты хочешь сказать неправду, ты хочешь играть истиной, честью — остановись: ты русскій дворянинъ, хотя и молодъ еще; что ты будешь отвѣчать мнѣ, если я спрошу тебя, на дворянскую честь и совѣсть твою, правду ли я сказалъ или нѣтъ?

Поцѣлуевъ всталъ, и принялъ такое рѣшительное, твердое положеніе, какого мы доселѣ еще за нимъ не видывали и сказалъ: Послушайте, баронъ, если вы хотите, чтобы я не сердился на допросъ вашъ, то не сердитесь же и вы на мои отвѣты, а выслушайте меня спокойно. — Я молодой человѣкъ, это такъ; но я изъ опеки вышелъ; по этому я бы могъ просто спросить васъ, по какому праву вы хотите меня опрашивать какъ ребенка? — но я — дайте мнѣ договорить, если угодно — я, вмѣсто этого, не отвѣчая вамъ на первый случай ни

да, ни нѣтъ, спрошу въ свою очередь: какая же тутъ бѣда и что за несчастье и безчестье, если молодой человѣкъ, разъ или два на вѣку своемъ, позволитъ себѣ поцѣловать дѣвушку? что тутъ за бѣда? на что мнѣ жить на свѣтѣ, если нельзя ловить, хотя на лету, на перелетѣ, быстрокрылыя услады, которыя даруютъ мнѣ на нѣсколько дней силу и крѣпость, и новую жизнь, и новую радость въ жизни? Здѣсь все зависитъ только отъ мѣста, времени и обстоятельствъ — нужна разборчивость, чувство приличія, чутье, чтобы все это вышло въ ладъ и въ мѣру и чтобы все покрыто было для цѣлаго свѣта непроницаемымъ покровомъ тайны. По этому тотъ, кто видѣлъ то, чего видѣть не должно, виноватѣе того, кто былъ при этомъ лицемъ дѣйствующимъ и неосторожно ввѣрился обманчивымъ обстоятельствамъ, не подозрѣвая тутъ соглядатаевъ. — Собственно же въ поцѣлуѣ, я не вижу ни грѣха, ни безчестья. Вотъ вамъ, баронъ, мнѣніе мое о вопросномъ дѣлѣ; что же наконецъ собственно до

видѣннаго вами, то я прошу васъ вѣрить, что вы ошиблись: вы ничего не видали; — я прошу васъ сообразовать съ этимъ и слова свои по тому же предмету, со мною ли, съ другимъ ли кѣмъ вы будете говорить, прошу васъ объ этомъ, не столько ради меня самого, какъ ради дѣвицы, которая не можетъ стать съ вами на одну доску, какъ я теперь, и объясниться. Оставимъ же дѣло это на всегда, будто его и не бывало.

Баронъ не могъ не признать въ этомъ отвѣтѣ Поцѣлуева что–то рыцарское, благородное; онъ подалъ руку молодому товарищу и раздувъ ноздри, приподнявъ брови угловатымъ сводомъ, и откинувъ плеча назадъ, сказалъ подъ наитіемъ какого–то восторга: «въ васъ течетъ благородная славянская кровь.»

XI. РАЗВОДНАЯ.

Этимъ кончилось дѣло на тотъ разъ; но, при первомъ случаѣ, оно опять возобновилось и не могло уже снова вполнѣ уладиться; а случайное обстоятельство

окончательно разстроило принужденное согласіе нашихъ односумовъ; временная затишь миновалась и порывъ бурнаго шквала разогналъ ихъ въ разные концы.

Баронъ самъ себѣ не могъ, или не хотѣлъ, отдать яснаго отчета въ чувствѣ, которое подстрекало его ссориться со Смарагдомъ за невинныя его волокитства; но это просто была ревнивая зависть. Поцѣлуевъ былъ всюду дома, вездѣ свой, съ барышнями обходился почти какъ съ ровнями, потому что совѣсть его была чиста и непорочна, и барышни ему отвѣчали, большею частію, по той же причинѣ, тѣмъ же. Напротивъ баронъ нашъ, неуклюжею почтительностію своею и неумѣстною околичностію, никогда не успѣвалъ найти расположеніе и довѣрчивость своихъ богинь. Это раждало въ немъ скрытную досаду на счастливца, которому всѣ блага земли доставались шутя, играючи, и баронъ, черезъ нѣсколько дней, снова началъ пилить Смарагда поученіями и требовать отчетности въ дѣлахъ его и поступкахъ. То Смарагду не простительно

было отбивать у такой–то дѣвушки жениховъ; то не шло волочиться за дочерью совѣтника, который дослужился чиновъ изъ званія Клерка или Баталера и не былъ столбовымъ дворяниномъ; то не должно было ходить въ такой–то домъ, гдѣ не умѣли цѣнить людей, потому, что сухо приняли барона; то не слѣдовало бы навязываться прихвостнемъ такой–то дѣвицѣ, которой Смарагдъ, по мнѣнію барона, надоѣдаетъ; а знаться съ блоковымъ, паруснымъ и компаснымъ, хоть они и чиновные люди, не идетъ уже вовсе; и прочее и прочее. Нравоученія эти Смарагду такъ надоѣли, что онъ, оперившись уже однажды, раздумывалъ, какъ бы разстаться съ барономъ по добру, вытти изъ этой несносной опеки, которою докучали ему въ насмѣшкахъ по цѣлому городу.

Не прошло недѣли послѣ объясненія Смарагда съ барономъ, по дѣлу о похищенномъ поцѣлуѣ, какъ въ домѣ капитана надъ портомъ намекнули нашему поэту слегка, промежду шутокъ, на это

происшествіе. Не успѣлъ Смарагдъ нашъ раздумать и порѣшить, въ какомъ смыслѣ принять намекъ этотъ, какъ въ другомъ домѣ случилось тоже, и наконецъ мичмана, товарищи Поцѣлуева, разсказали ему, смѣючись, что вотъ де, Смарагдъ Петровичъ, какіе въ городѣ носятся о васъ слухи. — Это уже взбѣсило нашего искателя поцѣлуевъ не на шутку, вывело его изъ терпѣнія, и онъ рѣшился разстаться съ барономъ, не говоря ему ни слова, на другой же день. Распустить слухи эти по городу было рѣшительно некому, кромѣ самого барона, потому, что ни одна душа болѣе ничего объ этомъ не могла знать.

Смарагдъ пришелъ надувшись домой, отыскавъ и нанявъ себѣ уже напередъ жилье, скромное, маленькое, но за то одинокое и еще съ угла на уголъ противъ дома конопатнаго мастера; потомъ, на другое утро, когда баронъ ушелъ на ученье, Смарагдъ оставилъ ему малословную записку, что хочетъ жить одинъ; навьючилъ своего деньщика шляпой, саблей, гитарой и чемоданомъ, и перебрался. Тутъ вздохнулъ

поэтъ нашъ посвободнѣе, настроилъ гитару, сыгралъ и спѣлъ, самъ для себя, старинную италіянскую арійку, которую выучилъ его одинъ, очень нѣжный, вѣковѣчный капитанъ–лейтенантъ, бывшій еще въ знаменитомъ Корфинскомъ походѣ — положилъ гитару, и воспламенившись, по возможности, воспоминаніями минувшихъ дней, принялся сочинять посланіе къ надеждѣ, вѣрѣ и любви. Несносный, докучливый баронъ удушилъ было въ Смарагдѣ послѣднюю искру даровитости его и даже намѣднишнее приключеніе, котораго поэтъ нашъ такъ давно искалъ и жаждалъ, какъ вдохновенія самаго возвышеннаго и могучаго, доселѣ еще не имѣло никакихъ послѣдствій. — Пытка барона словно окатила Смарагда ведромъ студеной воды. Надобно было наверстать, по возможности, утраченное.

Адель фонъ Адельсбургъ возвращался домой съ твердымъ намѣреніемъ сказать малолѣткѣ своему краснорѣчивое, обстоятельное и убѣдительное слово, о существенной пользѣ высшей и низшей

тактики, подразумѣвая въ послѣдней собственно искусство маршированія; а воинственный, рыцарскій духъ барона и изъ этой прозы извлекъ для себя свою поэзію — и такъ баронъ вошелъ, изготовивъ назидательную рѣчь свою, когда услышалъ, что Смарагда уже нѣтъ и нѣтъ гитары его, ни чемодана. Баронъ изумился и глядѣлъ съ четверть часа на деньщика своего глазами съ большую помадную банку; а деньщикъ, знакомый уже давно съ этимъ безсмысленнымъ взоромъ, продолжалъ преспокойно обстоятельный разсказъ свой о случившемся, и въ заключеніе подалъ оставленную Поцѣлуевымъ записку. Баронъ прочелъ ее молча, походилъ сокрушительными шагами по комнатѣ и разразился въ проклятіяхъ на людскую неблагодарность.

Между тѣмъ надобно отдать каждому должное: не баронъ распустилъ слухъ, который не безъ причины огорчилъ столько нашего поэта: деньщикъ Аделя фонъ Адельсбурга слышалъ весь разговоръ барина своего съ Поцѣлуевымъ, и былъ

прямой виновникъ распущенныхъ сплетней. — Кирюшка, ловкій, молодой парень, изъ господскихъ, былъ отданъ бариномъ въ солдаты, если вѣрить словамъ раскащика, собственно за *вольность* противу женскаго пола; вотъ почему все, относящееся къ этой статьѣ, его очень занимало; онъ наострилъ уши, когда рѣчь пошла по этой части, разсказалъ потомъ все что слышалъ пріятелю своему, кучеру *Портваго*, какъ его обыкновенно въ Николаевѣ называли, то есть капитана надъ портомъ; кучеръ, при случаѣ, во время общаго сбора въ людской, за ужиномъ, разсказалъ тоже горничнымъ, а отъ этихъ немного дороги осталось и до барыни и барышень. — Такимъ образомъ вѣсть эта побѣжала, махнувъ хвостомъ какъ брыкливая кобыла, по цѣлому городу и дошла наконецъ до самого Смарагда, съ замѣчаніемъ, что баронъ Адель фонъ Адельсбургъ все это *самъ видѣлъ*. Послѣднее обстоятельство совершенно убѣдило Поцѣлуева, что баронъ былъ вѣстовщикомъ; иначе кто бы могъ знать,

что онъ самъ все это видѣлъ. — Вотъ вамъ обращикъ того, что называютъ сплетнями, отъ которыхъ бываетъ на свѣтѣ столько бѣдъ и горя, и которыя родятся и плодятся, словно мыши въ подпольѣ и прусаки за печкой.

XII. ПРИВѢСОКЪ или НЕДОВѢСОКЪ:

глава, которую можно и не читать.

А дивное это дѣло, братья и сестрицы, какъ мы пилимъ сами себя и другъ друга причудами своими, обмолвками, недомолвками, догадками, сомнѣніями, сплетнями, мелочною, бездѣльною неуступчивостію! тебя томитъ и гложетъ какое–то безпокойство, ты самъ собою недоволенъ, самъ на себя сердитъ, а пеняешь и гнѣваешься на людей; ты, можетъ–статься, и самъ видишь, что оно не ладно, и это тебя раздражаетъ еще болѣе, ты совладать съ собою не умѣешь, подавить

сердца своего не можешь, сознаться, что ты самъ виноватъ, самъ въ дуракахъ, не хочешь — а коли тебѣ быть правымъ, такъ надо виноватить другаго. Бѣдовое это дѣло, ей Богу, бѣдовое! Знаю я это по себѣ и по другимъ, и знаетъ чай всякій, кто побольше, кто поменьше; да не каждый признается, а скажетъ опять таки: не я виноватъ, а люди. Да оно такъ и выходитъ: всѣ говорятъ: люди виноваты — мы указываемъ на другихъ, другіе на насъ — круговая порука. Эти–то отношенія мутятъ чистый источникъ нашей жизни, отравляютъ каждую насущную кроху и каплю. — Эти мелочи, бездѣлки суетной жизни, въ быту нашемъ важнѣе и полновѣснѣе всякой большой бѣды и всякаго зла и горя. У меня умретъ сынъ, отецъ, жена, сгоритъ домъ, пропадетъ имѣнье, я обнищаю — и во мнѣ, вслѣдъ за бѣдою, родится смиреніе: Богъ далъ, Богъ и взялъ, говорю я; поплачу за сыномъ, погрущу за женой, призадумаюсь и надъ своимъ послѣднимъ часомъ, вздохну, и съ умиленіемъ приступаю вновь къ смиренной

жизни своей! Въ самой неутѣшной скорби этой, есть что–то усладительное, чувство любви и привязанности къ тому, кого я положилъ въ могилу. Домъ сгорѣлъ — и я, сосчитавъ своихъ, благодарю горячею молитвою Создателя, что онъ пощадилъ ихъ, покоряюсь волѣ его, начинаю жить и дышать снова — и жизнь мнѣ вдвойнѣ дороже: домашній кругъ мой смыкается тѣснѣе, ближе, и я въ душѣ, можетъ статься, такъ счастливъ, какъ не бывалъ и прежде, когда жилъ въ избыткѣ. — И такъ, большое горе забыто; я пересилилъ его, перемогся, вынесъ, на душѣ легче, въ головѣ свѣтлѣе, въ груди у меня спокойнѣе — иногда и самолюбіе мнѣ льститъ; я тайно и втихомолку называю себя полумудрецомъ, который превыше всѣхъ ударовъ рока — но.... ежедневныя бездѣльныя дрязги, шаршавая сторона жизни, соръ и осадокъ обусловленнаго быта нашего, взаимныя пренія, пустячныя, мелочныя, недостойныя, пресмыкающіяся.... о, онѣ гложутъ, точатъ, какъ червь, и мукамъ этимъ нѣтъ конца.

Отъ утра и до вечера, на каждомъ шагу, все тоже и тоже — и если бы въ суткахъ было 36 часовъ, и тогда было бы тоже, и вздору этого стало бы на то, чтобы отравить мнѣ 36 часовъ, какъ нынѣ 24.

Безсильный, слабый, ничтожный! такъ; плоть возметъ свое, разсуждай какъ хочешь, умудряйся какъ знаешь! духъ твой силенъ и могучъ, тамъ, гдѣ онъ проснется, гдѣ громкое событіе, могучій толчокъ, заставятъ его бодрствовать: тамъ онъ, мужаясь, встанетъ и несетъ, не упадая, тяжкое бремя свое; но мелочные дрязги житейскихъ заботъ утомляютъ его и сокрушаютъ, и плоть торжествуетъ. Тогда человѣкъ бываетъ иногда несносенъ, покуда наконецъ не выведетъ изъ терпѣнія и себя и другихъ; туча разразится, хлынетъ дождь или градъ и — брюзга опомнится, очнется; проглянетъ солнышко, настанетъ ведро. Ведро и ненастье — ненастье и ведро — чередуются во всей природѣ и — въ душѣ человѣка также.

А время летитъ — о, летитъ! покуда мы мечемся мотылями и мотыгами во всѣ

стороны, забываемся, ни о чемъ не думаемъ — все хорошо и гладко; а какъ опомнишься, станешь, да призадумаешься, да еще оглянешься назадъ — куда какъ летитъ оно!

XIII. СѢЛЪ ДА ПОѢХАЛЪ.

Въ первый разъ отъ роду Поцѣлуевъ поссорился и разошелся съ человѣкомъ такимъ образомъ; но опытность достается намъ не даромъ. Въ Смарагдѣ осталось какое–то непріятное воспоминаніе, котораго онъ долго не могъ выжить; сколько ни увѣрялъ себя, что онъ поступилъ хорошо, что иначе нельзя было кончить дѣло, что всему виноватъ одинъ баронъ и больше никто. Къ этому пристало въ добавокъ еще другое, не менѣе тревожное чувство: Смарагдъ въ первый разъ еще увидѣлъ себя предметомъ общаго разговора въ городѣ; судили, рядили, охуждали, оправдывали, обвиняли — каждый пересказывалъ дѣло по своему; мало при томъ щадили и бѣдную Надежду и это вдвойнѣ оскорбляло добраго

Смарагда. Онъ по неволѣ сталъ менѣе показываться въ люди, товарищи приставали къ нему, допрашивали его, за чѣмъ онъ разошелся съ барономъ, за чѣмъ вдругъ сталъ жить затворникомъ, когда бывало облетывалъ день за день десять, пятнадцать домовъ? Все это досаждало, докучало Смарагду, огорчало его до того, что онъ сталъ искать временной командировки и съ радостнымъ сердцемъ поскакалъ на почтовыхъ въ Севастополь, чтобы, при первомъ открытіи судоходства, занять должностное мѣстечко на фрегатѣ Россіянка и отправиться на ней въ Сухумъ–Кале, крѣпостцу нашу, на Абхазскомъ Восточномъ берегу Чернаго моря.

Легче вздохнулось Смарагду, когда онъ выѣхалъ изъ *все*–восточной заставы Николаевской, какъ называютъ ее наши ефрейторы, при утреннихъ рапортахъ своихъ: на этомъ мѣстѣ мысъ, на которомъ городъ стоитъ между двумя рѣками, Бугомъ и Ингуломъ, перехваченъ, во время чумы 1812 года, рогатками, и съ того же времени существуетъ Восточная застава. —

По этой дорогѣ Смарагдъ скользилъ черезъ Херсонъ и Перекопъ, по ровной, гладкой, однообразной степи, не видавъ ничего, кромѣ вьюги и метели; но въ Симферополь прикатили его уже на колесахъ, хотя только генварь былъ на исходѣ. — Когда же Смарагдъ переправлялся въ Севастополь черезъ сѣверную бухту, то былъ пріятно изумленъ: городокъ лежитъ довольно живописно, на склонѣ горы, упирающейся въ зеленое море; кровля виситъ, уступами, надъ кровлей, а прихотливое воображеніе расписываетъ за горой этой, горы и долины, водопады, кизилевыя рощи, величественный Чатыръ–дагъ и южный берегъ Крыма, со всѣми чарами и прелестями его. Поцѣлуевъ снова распростеръ объятія и готовъ былъ обнять цѣлый міръ — не исключая даже и будущаго начальника своего, командира Россіянки, довольно несноснаго грека, котораго зналъ уже по наслышкѣ.

XIV. АРХОНТЪ.

Прибывъ въ Севастополь, Поцѣлуевъ отыскалъ себѣ комнату во второмъ жильѣ, напился чаю и какъ это было уже довольно поздно, то и легъ отдохнуть съ дороги, съ тѣмъ, чтобы утромъ пораньше отправиться для явки къ флотскому начальнику и своему капитану.

Утромъ, когда Смарагдъ началъ одѣваться и деньщикъ его вытеребилъ изъ чемодана за хвосты шитый съ якоремъ мундиръ, вошелъ хозяинъ дома, плотный, черноглазый грекъ, въ широкихъ черныхъ шароварахъ, и черной курткѣ. — Вы меня знаете? спросилъ онъ безъ обиняковъ, и на отрицательный отвѣтъ Поцѣлуева, очень изумился и началъ объяснять ему, бѣглымъ, но ломанымъ языкомъ, растопыривая пальцы обѣихъ рукъ по два и по три, что онъ вотъ такой то *Пуло* или *Муло*, родной братъ командира фрегата Россіянки, капитанъ–лейтенанта, хотя этотъ и признаетъ его въ людяхъ только братомъ двоюроднымъ; что они съ братомъ точно и дѣйствительно происходятъ

прямымъ трактомъ отъ Архонта древней Греціи, славнаго Евридипа, и что они, точно, дѣйствительно, братья родные — при этомъ Пуло поднялъ два пальца, развелъ ихъ и свелъ опять вмѣстѣ — но что братъ его Исократъ, зазнается немного, а впрочемъ предобрый человѣкъ, и глазъ на глазъ съ нимъ, или въ своемъ обществѣ, братства не чурается. — Для Смарагда все это, правда, было немножко ново; онъ однако же попросилъ роднаго брата начальника своего сѣсть и занималъ его съ четверть часа какъ гостя. — Потомокъ Архонта разговорился до того, что разсказалъ уже почти всѣ дивные походы и похожденія свои по островамъ Средиземнаго моря, прикидываясь старымъ и бывалымъ морякомъ, когда вошелъ деньщикъ Поцѣлуева, тертый Севастопольскій матросъ, и сказалъ безъ обиняковъ хозяину: «что сидишь тутъ да балагуришь? тамъ пришли за тобой, спрашиваютъ тебя въ лавочкѣ.» Будущій воитель за *свуя утецества* всталъ, раскланялся и ушелъ.

— Въ какую лавочку ты позвалъ хозяина, Никифоръ? — спросилъ Поцѣлуевъ, ничего не понимая.

— Да въ свою; отвѣчалъ тотъ.

— Какъ въ свою? какая жъ у тебя тутъ лавочка?

— У меня нѣтъ, да у него есть. У него своя лавочка подъ нами, тамъ его за чѣмъ–то спрашивали, прибѣгалъ оттолѣ малосольный гречонокъ. —

— Чѣмъ же онъ торгуетъ?

— Да извѣстно, такъ, съ пуговки на петельку перебивается: изюмомъ, орѣхами, оливками, финиками, табакомъ, балыками. Есть у него и трубки, да дрянныя, смотрѣлъ я, стамбулокъ нѣтъ; вотъ у сосѣда есть настоящія.

Вотъ въ какую я землю заѣхалъ, подумалъ про себя Поцѣлуевъ — одѣлся и пошелъ явиться. — Проходя мимо лавочки своего хозяина, потомка знаменитаго Архонта Евридипа, Смарагдъ видѣлъ, какъ тотъ обвѣшивалъ жида–портнаго на двухъ золотникахъ чернаго шелку и спорилъ и кричалъ, между тѣмъ какъ жидъ бранилъ

его и увѣрялъ всякаго, кому угодно было послушать, что онъ поймалъ этого мошенника уже въ другой разъ на обвѣсѣ. Усатый плутъ, увидѣвъ Смарагда, звалъ его въ свидѣтели; но этотъ спѣшилъ скорѣе пройти и убраться.

XV. ПОЦѢЛУЙ № 2.

Архонтъ — такъ мы будемъ называть отца и командира Россіянки, а имя его, которое оканчивалось, какъ сказалъ я, на *Пуло* или *Муло*, оставимъ въ покоѣ — Архонтъ принялъ Смарагда, какъ Николаевскаго, повѣжливѣе обыкновеннаго; шепеляя, или собственно *присусыкивая,* онъ сказалъ ему нѣсколько снисходительныхъ словъ: «оцень радъ, сто будемъ слузыть вмѣстѣ,» — и тому подобное. — Смарагдъ думалъ видѣть почтеннаго хозяина своего, только безъ усовъ и въ мундирномъ сертукѣ; такъ схожи были оба брата.

Смарагду досталось пожить въ Севастополѣ, по случаю разныхъ

задержекъ въ отправленіи Россіянки, добрыхъ два мѣсяца. Не слишкомъ гоняясь за входомъ въ свѣтское общество, Поцѣлуевъ замѣтилъ однако же вскорѣ большую разницу между бытомъ въ Николаевѣ и въ Севастополѣ. Тамъ молодыхъ офицеровъ было не слишкомъ много, въ нихъ даже иногда нуждались, въ наши времена отчаянной пляски, и, сверхъ того, это были, большею частію, матушкины дѣтки; тутъ, напротивъ, въ Севастополѣ, городокъ былъ заваленъ мичманами, и для нихъ, кромѣ избранныхъ, въ гостинныхъ лишняго мѣста не было; женатые моряки, какъ люди большею частію безъ достатка, жили очень скромно, уединенно; у портовыхъ былъ уже свой знакомый кругъ, а шаловливой холостежи столько, что семейные люди стали уже разборчивы и осторожны. Жизнь первыхъ по неволѣ была скучная, одинокая и если не распутная, то, по крайности, безпутная. Занятій и развлеченій, кромѣ служебныхъ, почти никакихъ; знакомство и бесѣда почти только промежду собою; поживъ такимъ

образомъ нѣсколько лѣтъ, молодому человѣку трудно остаться такимъ, чтобы онъ былъ опять на своемъ мѣстѣ, въ своей тарелкѣ, если пріобщить его снова къ хорошему, свѣтскому обществу; онъ отвыкнетъ, отстанетъ, одичаетъ; и пріемы не тѣ, и не то на умѣ. Просимъ замѣтить, что все это мы говоримъ о времени не нынѣшнемъ, а бываломъ.

Но со Смарагдомъ былъ въ Севастополѣ случай, о которомъ надобно упомянуть. Выпросивъ у капитана своего шлюбку, Поцѣлуевъ, съ двумя товарищами, отправился въ одно утро осмотрѣть Акерманъ, какъ его здѣсь обыкновенно называютъ, или Инкерманъ, какъ его называть должно. Расхаживая тамъ по обширнымъ пещерамъ, высѣченнымъ, какъ говорятъ, генуезцами, въ известковой скалѣ, мичмана наши встрѣтили общество, гдѣ было также нѣсколько женщинъ. Смарагдъ съ удовольствіемъ посмотрѣлъ нѣсколько разъ, мимоходомъ, на прекрасное лице одной изъ дѣвицъ, въ которой необыкновенно правильныя черты,

изящный погибъ носа и лбяной кости, особенно погибъ свода глазнаго, края его, бровь, рѣсницы и черныя очи изобличали греческую кровь. Случилось, что общество это отправилось изъ Инкермана, водою же, вмѣстѣ съ нашими мичманами — а можетъ быть эти и не безъ намѣренія такъ подогнали и приноровили свой часъ отъѣзда. Общество усѣлось на шлюбкахъ и катерѣ, а наши молодцы отвалили въ слѣдъ за ними. Красавица сидѣла съ теткою своею и другими на третьей шлюбкѣ. Шли подъ парусами почти въ полвѣтра; какой то разудалый, отчаянный констапель, провожатый красавицы, управляя рулемъ, вздумалъ прикинуться старымъ и бывалымъ морякомъ; началъ командовать и распоряжаться, хотѣлъ обогнать передовыхъ и не успѣлъ оглянуться, какъ шквалъ ударилъ въ паруса и шлюпка, очутившись вверхъ килемъ, нашего констапеля накрыла. Констапель констапелемъ, но тутъ были и другіе. Поцѣлуевъ успѣлъ только закричать матросамъ своимъ: паруса долой, ухватить

конецъ какой то снасти и кинуться въ воду, какъ шлюбка его летѣла уже мимо самаго поприща кораблекрушенія; Смарагдъ рванулся изо всѣхъ силъ, не упуская конца изъ рукъ, ухватилъ утопавшую незнакомку свою за платье и былъ вытащенъ матросомъ, за веревку, на яликъ, который въ тотъ же мигъ пронесло и сбило вѣтромъ и волненіемъ въ сторону. Тогда только передовая шлюбка и тяжелый катеръ успѣли опустить паруса и выкинуть весла, чтобы спасать погибающихъ; но двое изъ нихъ утонули и въ томъ числѣ бѣдная тетка. Смарагдъ поучился немного плавать у извѣстнаго дикаря Кобри, который былъ вывезенъ однимъ изъ кругосвѣтныхъ плавателей нашихъ съ другаго полушарія и состоялъ тогда учителемъ плаванія при морскомъ корпусѣ. Смуглое, расписанное синей краской лице этого земноводнаго, было въ странной противуположности съ нашимъ мундиромъ; но за то для Кобри вода представляла ту только разницу отъ земли, что была мокра; а жить, казалось, ему было одинаково хорошо и тутъ и тамъ.

Грѣшный я человѣкъ — а скажу правду: Смарагдъ при этомъ дѣлѣ покривилъ душой. Когда онъ кинулся въ море, несчастная тетка была у него всѣхъ ближе подъ руками; но онъ, словно не видѣлъ предсмертной, судорожной борьбы ея съ соленою стихіею, словно не слышалъ отчаяннаго, дикаго крика — онъ проплылъ мимо, оставилъ ее въ трехъ шагахъ за собою и выхватилъ изъ полусомкнутыхъ уже челюстей страшной смерти, молодую, очаровательную гречанку.

Смарагдъ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ это невольно, безъ самосознанія, безъ размышленія; по крайней мѣрѣ обдумывая послѣ, на свободѣ, какъ и что было, онъ не могъ отдать себѣ въ этомъ никакого отчета; — но все таки онъ былъ виною смерти бѣдной тетки; онъ могъ спасти ее и далъ ей утонуть, испить эту горькую, соленую смерть, и предпочелъ старухѣ молодую, за то только, что она была молода и хороша. Отъ чего это и почему? какъ объяснить такой невольный порывъ и

сколько правъ тутъ Смарагдъ и сколько виноватъ?

Отецъ молодой красавицы, на первый случай по крайней мѣрѣ, не пускался въ разборъ этого душесловнаго вопроса, хотя и видѣлъ, можетъ быть, какъ дѣло происходило. Онъ подоспѣлъ на катерѣ въ то самое время, когда мичмана укладывали дочь его на плащахъ своихъ и ими же ее накрывали. Онъ кинулся въ яликъ, дрожалъ, плакалъ, рыдалъ, цѣловалъ дочь, обнималъ всѣхъ, потомъ вынулъ бумажникъ и отдалъ его четыремъ гребцамъ мичманскаго ялика. Подняли паруса и спѣшили добраться до пристани и домой.

Отецъ этотъ былъ русскій, зажиточный помѣщикъ, переселившійся еще въ молодыхъ лѣтахъ въ Крымъ и занявшійся тамъ разводкою и обработкою винограда и шелка. Женившись на гречанкѣ, онъ былъ отцемъ, спасенной Поцѣлуевымъ, образцовой красавицы. Онъ не зналъ чѣмъ доказать безконечную благодарность свою; отыскавъ на другой же день спасителя дочери, онъ плакалъ передъ нимъ какъ

ребенокъ, становился на колѣни и умолялъ принять, въ знакъ благодарности, перстень съ руки ея и десять тысячъ рублей. Поцѣлуевъ съ жадностію ухватился за цвѣтной перстень, а отъ денегъ, по общепринятому у насъ предразсудку, рѣшительно отказался. Старикъ долженъ былъ наконецъ уйти, взявъ съ Поцѣлуева священное обѣщаніе, что онъ обратится къ тому, кому спасъ единственное дѣтище, при первой нуждѣ или потребности, что будетъ стараться дать ему случай отслужить, хотя бездѣльными услугами, благодѣяніе, на которое нѣтъ цѣны. Кромѣ того, Смарагдъ долженъ былъ явиться передъ спасенною имъ дѣвушкою лично, выслушать очаровательный лепетъ признательности ея, и принять, по настоянію отца, дѣвственный ея поцѣлуй. И такъ поэтъ нашъ наконецъ таки опять добился до вдохновительнаго поцѣлуя.

Можете себѣ представить, что Смарагдъ нашъ былъ совершенно счастливъ: онъ какъ–то чувствовалъ себя, выросъ въ сутки на цѣлую четверть; и съ этой самой минуты

началъ въ немъ совершаться переворотъ, переходъ отъ юноши къ мужу. Счастливое событіе въ Инкерманѣ много облегчило доброму Смарагду перенести, не унывая духомъ, не упадая, самый приступъ, начало, этого критическаго перелома: оно озарило, единожды на всегда, розовымъ отблескомъ предстоявшій юношѣ горькій опытъ въ познаніи свѣта и людей, и если и не могло, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, предохранить Смарагда отъ этихъ порывовъ отчаянья, безотчетнаго внутренняго волненія и безпокойства, то, по крайней мѣрѣ, воспоминаніе этого драгоцѣннаго дня услужливо расписывало ему всѣ предметы радужными цвѣтами; и онъ берегъ и цѣнилъ завѣтное, граненое стеклышко свое, заглядывалъ въ него частенько и не безъ отрады.

О, поэзія! подумалъ Смарагдъ, потирая руки, когда пилъ вечеромъ одинъ свой чай, — вотъ чистая поэзія! Вотъ гдѣ искать вдохновенія! И сѣлъ, и написалъ безмѣрно пышный приступъ къ какой–то поэмѣ.

XVI. РОССІЯНКА НА ПРОСТОРѢ.

Вскорѣ фрегатъ вытянулся на рейдъ и Смарагдъ не считалъ себя болѣе жителемъ Севастополя: онъ былъ уже гражданинъ Россіянки. Тамъ его сабля, тамъ его койка, тамъ его записки, и много начатыхъ стихотвореній. Тамъ гитара, тамъ онъ расхаживаетъ и самъ, съ перстенькомъ на лѣвомъ мизинцѣ, и ему думается, что это золотая медаль на владимірской лентѣ, съ надписью: *за спасеніе погибавшихъ*.

Между тѣмъ насталъ и день отплытія. Въ 10 часовъ утра, капитанъ вышелъ на шханцы и приказалъ сниматься съ якоря. Старшій лейтенантъ принялъ команду; когда онъ взялъ со шпиля рупоръ, сунувъ его подъ мышку, то боцманъ выхватилъ дудку свою и, разстановивши на ней пальцы, ожидалъ команднаго слова. Офицеры всѣ вышли, капитанъ расхаживалъ одинъ по правой сторонѣ шханецъ, старшій лейтенантъ прокомандовалъ: *свищи на верхъ* — боцманскій свистокъ раздался надъ гротъ

люкомъ, а въ слѣдъ за тѣмъ слова: пошолъ всѣ на верхъ!

Матросы выскочили бѣгомъ, ютовые на ютъ, шханечные на шханцы, баковые на бакъ, а марсовые стали по бортамъ, ухватившись одной рукой за ванты и провожая глазами лейтенанта.

Звучно раздавался ясный голосъ его, боцманское *есть*! вторило ему, и кромѣ этихъ двухъ голосовъ, свистка и топота, не было слышно ни звука: изрѣдка только урядники въ полголоса повторяли и передавали тутъ или тамъ команду лейтенанта, свистокъ боцмана — наконецъ Россіянка, за словомъ боцмана: всталъ якорь! распахнула крылья свои, взмахнула ими; лейтенантъ скомандовалъ: «кливеръ подымай! на брасы, на лѣвую — право руля!» и красавица быстро и мѣрно покатилась подъ вѣтеръ, въ лѣво, описала полоборота и, по слову лейтенанта «одерживай!» закачалась, будто бы у нея закружилась отъ быстраго оборота голова; потомъ двинулась впередъ, распахнула бизань, брамсели и вода запѣнилась подъ

водорѣзомъ, и рулевой уже поглядывалъ на компасъ, матросы прибирали снасти, вымбовки, а боцманъ, сидя верхомъ на кранбалкѣ, управлялся съ неповоротливымъ подчиненнымъ своимъ, господиномъ плехтомъ, въ которомъ было, по надписи, вѣсу 203 пуда. Онъ упрямо упирался желѣзными лапами своими въ бортъ, не охотно повинуясь неизмѣнной участи своей, быть посажену на цѣпь, до новой стоянки; но боцманъ его пересилилъ: повѣсилъ на пертулинь, подвелъ рустовъ, желѣзную цѣпь, и узникъ смирился.

Берега бѣжали, чайки вились, свинки играли, перекидываясь черезъ голову, кудрявая волна гналась за волной — и Россіянка уже обогнула древній Херсонесъ, Балаклаву, уже быстро летѣла мимо Аю–дага, мимо южныхъ береговъ нашего Крыма. Смарагдъ, въ должности, стоялъ на бакѣ, облокотясь о лѣвый бортъ и глядѣлъ на новую для него природу, на живописныя скалы, на синій Чатыръ–дагъ; Архонтъ ушелъ въ свою каюту; офицеры разбрелись, половина команды осталась на вахтѣ,

другая половина ушла на низъ; свѣжій брамсельный вѣтерокъ игралъ въ снастяхъ и парусахъ и только изрѣдка раздавался въ тишинѣ этой голосъ вахтеннаго: *на брамфалахъ стоять*! и Смарагдъ самъ отвѣчалъ: *есть*! и гордился отвѣтомъ этимъ и должностью своею, тѣмъ, что и онъ теперь уже что нибудь да значилъ — у него стало на душѣ какъ–то тепло и отрадно, ему хотѣлось обнять прекрасную Россіянку, такъ онъ полюбилъ ее, гордую, пышную, смѣлую — онъ въ туже минуту, не читавъ Саламандры, сравнилъ Россіянку свою съ дѣвою, которой придалъ всѣ возможныя качества и совершенства, и, задумавшись, кивнулъ головою, въ знакъ согласія, когда самъ себя спросилъ: сколько лѣтъ дать дѣвицѣ этой? и самъ же себѣ отвѣчалъ: шестнадцать — и въ слѣдъ за тѣмъ взглянулъ на голубое небо, улыбнулся и, положивъ записную книжечку свою на бортъ, написалъ:

Шестнадцать лѣтъ — магическое слово!

Отрадно вымолвить шестнадцать лѣтъ;

О, какъ свѣжо, какъ молодо и ново:

Звучитъ въ груди моей: шестнадцать лѣтъ....

призадумался и положилъ книжечку въ карманъ.

Изъ этого читатели видятъ, что Смарагдъ прилежно читывалъ Карамзина и началъ было писать что–то въ родѣ тріолета.

XVII. СМЕРТЬ РОССІЯНКИ.

Вѣтеръ подулъ отъ запада, а слѣдовательно самый попутный для нашей Россіянки и на третьи сутки матросъ съ форъ–марса, подъ вечеръ, закричалъ: берегъ видѣнъ! — Милая землячка наша доплыла до Абхазіи; и, на другой день, бросила тяжелый плехтъ свой на Сухумскомъ рейдѣ, то есть, стала на якорь, противу крѣпостцы нашей Сухумъ–кале.

Какъ весело смотрѣть на это, съ берегу, когда величественный, изящный фрегатъ становится на якорь! съ начала все мертво и тихо на немъ, не видать ни души — лебедь несется на широкихъ, бѣлыхъ крыльяхъ своихъ, рѣетъ по волнамъ, разсѣкаетъ ихъ, прилегаетъ на бокъ, какъ удалой вершникъ, который, избоченясь, несется во весь опоръ — вдругъ вы слышите свистокъ и реи полетѣли на низъ, паруса осѣли — и въ слѣдъ за тѣмъ народъ, какъ муравьи, разползся по чернымъ снастямъ — еще свистокъ, еще и еще — нижніе углы и края парусовъ отдѣляются отъ реевъ, подымаются вверхъ, больше и больше, народъ разбѣгается по реямъ — и парусовъ какъ не бывало; Россіянка обратилась уже грудью къ вѣтру, какъ роскошная красавица, которая вышла подышать свѣжимъ воздухомъ; съ кормы развѣвается только флагъ нашъ съ Андреевскимъ крестомъ, и гребное судно уже отваливаетъ и летитъ, подъ мѣрными ударами могучихъ гребцовъ, быстро къ берегу. Но — пора къ дѣлу.

Дней пять спустя, Россіянка все еще стояла на томъ же мѣстѣ, противъ Сухумъ–кале, а юго–западный вѣтеръ завывалъ не на шутку, и по тому же направленію небосклонъ темнѣлъ болѣе и болѣе. Старшій лейтенантъ докладывалъ уже дважды капитану, что давно бы пора сняться съ якоря, и отойти отъ береговъ, которые не обѣщаютъ Россіянкѣ нашей никакой защиты; но фрегату нуженъ былъ лѣсъ, на разныя подѣлки, и Архонтъ, въ этотъ самый день, послалъ уже съ разсвѣтомъ небольшую команду въ горы, вырубить и привезти нѣсколько орѣховыхъ кряжей. По этому ему и не хотѣлось отойти отъ береговъ; онъ поджидалъ каждую минуту команду свою съ орѣхомъ и утѣшалъ этимъ вахтеннаго лейтенанта.

И такъ, Россіянка, почуявъ бурю, спустила и убрала верхнія реи и стеньги, какъ улитка, которая вбираетъ рожки свои, при малѣйшемъ прикосновеніи; вытравила еще сажень двадцать канату и готовилась встрѣтить непріятеля грудью.

Время было за полночь. Страшно завывалъ ураганъ; Россіянка вздрагивала всѣмъ тѣломъ, при каждомъ ударѣ разъяренныхъ валовъ; уцѣпившись желѣзными перстами въ дно морское, казалось, напрягала она всѣ силы свои, чтобы удержаться, какъ человѣкъ, висящій на рукахъ своихъ надъ бездной. Вахтенный лейтенантъ ходилъ взадъ и впередъ и покрикивалъ: на лотѣ, не дремать! есть — отвѣчалъ лотовой, держа въ рукахъ конецъ веревки, на которой опущено было на дно морское 36 фунтовое ядро — есть, и въ слѣдъ за тѣмъ заревѣлъ дикимъ голосомъ: дрейфитъ, дрейфитъ!

Трави канатъ! раздался громовый голосъ лейтенанта, трави канатъ! Смарагдъ Петровичъ, бѣгите скорѣй, торопите ихъ, да приглядите, чтобы не засучило канатъ, чтобы травили черезъ битенгъ!

И когда глухой, непрерывный и пронзительный стукъ каната по битенгу и обитому свинцомъ клюзу раздался, и дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ и суставамъ фрегата, а къ этому еще рѣзкій голосъ

лейтенанта и шопотъ команды внизу и вверху, въ палубѣ и на шханцахъ — то капитанъ, догадавшись въ чемъ дѣло, наскоро одѣлся и вышелъ.

Вытравили еще сажень 20 канату, лейтенантъ стоялъ вплоть у лотоваго и смотрѣлъ на лотъ; казалось, якорь опять забралъ; Россіянка размашисто качалась во всю длину свою, носъ и корма поочередно ныряли и воздымались; но фрегатъ стоялъ на мѣстѣ, глухо стоналъ отъ страшныхъ, богатырскихъ ударовъ водяныхъ исполиновъ, и не могъ даже всплывать, по обычаю своему, полною грудью на хребты этихъ движущихся громадъ: огромный валъ за валомъ ударялъ въ Россіянку, она усильно пыталась каждый разъ подняться, перелетѣть этотъ встрѣчный хребетъ, и задержанная толстымъ, въ перехватъ, канатомъ, сильно вздрагивала всѣмъ тѣломъ своимъ и, казалось, готова была нырнуть, пропустить валъ черезъ себя; огромные всплески обмывали всю поверхность страдалицы; отъ гальюна до самаго гака–борта, не было уже сухаго

мѣста. Борты давно были закрыты, — люки закрыты — но ураганъ свирѣпѣлъ, съ минуты на минуту, и лотовой опять уже завывалъ: дрейфитъ!

Когда вытравленъ былъ весь канатъ, брошенъ другой якорь, спущены стенги и бѣдная Россіянка все еще не могла удержаться на мѣстѣ, а выбившись изъ силъ дрожала и стонала громче и громче — тогда оставалось одно: рубить канатъ и бороться съ ураганомъ подъ нижними парусами. Свистокъ боцмана и краткое *авралъ* раздались надъ люкомъ, и вся команда, деньщики и мастеровые, офицеры и самъ капитанъ не сходили уже съ верху. Отрубили канаты, поставили, съ величайшимъ трудомъ, нижніе стаксели, штормовую бизань и зарифленный фокъ, чтобы нести сколько можно болѣе парусовъ, четыре лучшихъ рулевыхъ стали на свое мѣсто и лейтенантъ безпрестанно покрикивалъ, глядя на паруса: «придерживайсь — держи круче — клади больше руля, клади смѣлѣй!»

Свободнѣе вздохнула Россіянка на просторѣ, смѣло легла на бокъ, взлетала на хребты и спускалась въ пропасти, но не долго могла бороться со свирѣпымъ противникомъ. Бѣдная Россіянка! послушная, бывало, рулю, она катилась, описывая дугу по небосклону, когда старый рулевой клалъ только опытную руку свою на рукоять штурвала, а теперь — руль на бортѣ, фокъ–стаксель убранъ, фокъ изорванъ въ мохры, а она стонетъ, и ныряетъ, и всплываетъ, и летитъ стрѣлой, все по одному направленію, забыла отъ страха все, и самую дисциплину, и не идетъ къ вѣтру, не слушаетъ руля!

Когда разсвѣло, Россіянка все еще боролась и выбивалась — но ее уже прижало къ приглубому берегу, и нѣтъ надежды на спасенье! бѣдная! какъ она за ночь измѣнилась! гдѣ прекрасный, стройный рангоутъ ея, который такъ гордо и смѣло высился подъ небеса? — убранъ, спущенъ, или поломанъ; его уже нѣтъ; Россіянка изнемогаетъ, испускаетъ только отъ времени до времени послѣдніе,

отчаянные стоны и говоритъ дымящимся жерломъ двадцати–четырехъ фунтовой каронады: я погибаю! спасайте, спасайте! а когда хищныя толпы горцевъ натекли со всѣхъ сторонъ съ высотъ валунами на берегъ, изъявляя неистовыми криками радость свою и надежду на богатую добычу, когда толпа эта стала, забавляясь, стрѣлять въ бѣдствующій фрегатъ, хотя пули и не могли долетать до мѣты, тогда Россіянка боролась какъ разъяренная издыхающая отъ ранъ, львица въ предсмертныхъ судорогахъ своихъ со стихіями и, въ тоже время, грозно мстила дерзкимъ оскорбителямъ своимъ: стоная изрыгала она огнь и смерть: рыкая, какъ звѣрь пустынь африканскихъ, посылала она боевые заряды свои; выстрѣлы раздавались чаще и звучнѣе и, разогнавъ въ одну минуту хищниковъ, казалось, просила еще убѣдительнѣе прежняго: спасите, спасите! Россіянка молитъ и умоляетъ о спасеніи дѣтей своихъ, не о своемъ.

Наконецъ, силы доблестной землячки нашей истощились; страшное волненіе,

которое развело западнымъ вѣтромъ во всю ширину бездоннаго моря, на которомъ нѣтъ ни одной отмели, ни одного острова, за исключеніемъ развѣ одного только островка у западныхъ береговъ, извѣстнаго подъ именемъ Змѣинаго — страшное, громадное волненіе бездонной влаги этой образовало такой прибой къ открытымъ восточнымъ берегамъ, что уже ничего не оставалось, какъ отдаться на произволъ судьбы и думать только о собственномъ своемъ спасеніи.

Надобно отдать нашему Архонту справедливость: онъ былъ хорошій морякъ и офицеръ съ духомъ. Когда гибель сдѣлалась неизбѣжной, онъ самъ принялъ команду, самъ подавалъ примѣръ хладнокровія и разсудительности и, до послѣдней минуты, все на фрегатѣ было въ величайшемъ порядкѣ. Старшій лейтенантъ былъ одинъ изъ тѣхъ страстныхъ моряковъ, которые бываютъ дома только на шханцахъ; земля подъ ногами досаждаетъ этимъ людямъ на каждомъ шагу; если завезти ихъ на сто верстъ отъ портоваго города, то съ

ними дѣлается удушье, они погибаютъ, какъ бурная птица, которая тогда только живетъ и дышетъ, когда, подъ ревомъ бури, скользитъ на распашныхъ крыльяхъ своихъ по зыбучему косогору исполинской волны. Все это много послужило къ чести русскаго флага, къ порядку и повиновенію экипажа, но не могло уже спасти фрегатъ отъ крушенія. Нѣсколько матросовъ вздумали было, по обычаю своему, надѣвать встрѣчу смерти чистыя рубахи; но голосъ старшаго лейтенанта, которому всегда и все повиновалось, не измѣнилъ ему и на этотъ разъ: всѣ возвратились снова къ работѣ. Пушки, якоря и всѣ подручныя тяжести были скинуты въ море, самъ капитанъ наложилъ руку на мачты и онѣ, въ одну минуту, подъ ударами топоровъ, полетѣли въ море. Боцманъ все еще стоялъ на своемъ мѣстѣ, на бакѣ, и держался одною рукою за обрубокъ мачты своей, а другою за дудку, хотя уже не было подчиненныхъ его, ни фокъ–мачты, ни кливера, ни господина плехта или дагликса, какъ самъ онъ честилъ подвѣдомственные ему якоря;

штурманъ стоялъ еще на ютѣ, какъ будто ожидалъ приказаній, между тѣмъ, какъ осколки штурвала и румпеля лежали у него подъ ногами, руль скрыпѣлъ и разгуливалъ вольно на петляхъ своихъ и совладать имъ было не чѣмъ. Наконецъ, бѣдную Россіянку прижало, выкинуло, повалило на бокъ, и она уже глухо стонала подъ заливными ударами плывучихъ водяныхъ горъ! смирно и покорно лежала она, предавшись волѣ судьбы, замолкла, не взывала даже болѣе о помощи.

Изъ Сухума увидѣли съ расвѣтомъ гибель фрегата и пѣхотный баталіонъ выступилъ и пошелъ по берегу, на помощь бѣдствующихъ, съ тѣмъ, чтобы по крайней мѣрѣ защитить ихъ отъ ножа Абазинцовъ. Русскіе шли на выручку русскихъ — горцы дрались отчаянно, каждый кустъ, каждый камень, надобно было брать штыкомъ; обагрила тутъ кровь русская бѣлое тѣло и канула на землю, и на черной матери сырой землѣ сливалась съ кровью Абазинскою. Баталіонъ пробился до мѣста, сталъ на берегу противъ фрегата, разсыпалъ вокругъ

цѣпь стрѣлковъ, глядѣлъ спокойно и ожидалъ конца. Пособить было не чѣмъ.

Тогда только капитанъ, собравъ напередъ, вокругъ шпиля, наскоро военный совѣтъ изъ всѣхъ наличныхъ офицеровъ, коимъ единодушно было опредѣлено то, что послѣ увидимъ, проревѣлъ глухимъ и сиплымъ голосомъ своимъ: *спасайся!* самъ же сидѣлъ онъ неподвижно на сѣткахъ, потому, что фрегатъ лежалъ вовсе на боку, и къ счастью еще вплоть у берега, почти на сухомъ; каждый налетный валъ приподымалъ, подмывалъ его и, отхлынувъ, кидалъ громаду, всею тяжестію ея, на твердый песокъ и камень. Каждый изъ валовъ этихъ окачивалъ съ ногъ до головы всѣхъ; каждый ударъ сбивалъ съ ногъ весь экипажъ, отъ юнги до капитана. За словомъ: спасайся, молодые матросы стали кидаться прямо въ море и пробиваться къ берегу; старые большею частію надѣвали поспѣшно бѣлыя рубахи и потомъ, перекрестившись и выждавъ отступленіе вала, пускались тудаже. Старшій лейтенантъ, молча, кинулъ рупоръ за бортъ

и спокойно глядѣлъ вокругъ себя, не нагибаясь даже при налетѣ громадной и отвѣсной, какъ стѣна, волны.

Уже весь экипажъ Россіянки, до послѣдняго человѣка, выбрался, болѣе или менѣе благополучно, на берегъ; первые, просто на своихъ ногахъ, а послѣдніе уже съ помощію протянутаго съ фрегата леера, веревки, а капитанъ, старшій лейтенантъ и Поцѣлуевъ, вызвавшійся охотникомъ, всѣ вмѣстѣ спустились въ гротъ–люкъ. У лейтенанта былъ въ рукахъ артиллерійскій фитиль съ жестяной огневкой, которая уцѣлѣла еще послѣ отчаянной пальбы гибнувшей Россіянки; капитанъ, помогая двумъ товарищамъ своимъ стаскивать матросскія койки и что было подъ рукою въ одну кучу, приговаривалъ: «по крайней мѣрѣ голоднымъ волкамъ этимъ не достанется добычи.» За тѣмъ, раздули, съ большимъ трудомъ, огонь, и зажгли фрегатъ въ трехъ или четырехъ мѣстахъ. Кончивъ дѣло, всѣ трое подумали о собственномъ спасеніи. Капитанъ спустился съ фрегата послѣдній.

Кто не испыталъ неимовѣрной силы прибоя, тотъ не знаетъ какъ трудно человѣку выбиться на берегъ тамъ, гдѣ, не успѣвъ пройти пѣшкомъ, по поясъ въ водѣ, или почти по сухому, десяти шаговъ, онъ снова бываетъ настигнутъ исполинскою, съ горный хребетъ, волною, залитъ, сбитъ съ ногъ и отнесенъ опять на такое же разстояніе назадъ. Капитанъ и старшій лейтенантъ добились наконецъ кое какъ до берегу; но Смарагда, коего молодыя силы истощились, разбило подъ самымъ берегомъ о скалы и камни и матросы вынесли его уже замертво на рукахъ. Нѣсколько матросовъ сами были въ такомъ же состояніи.

Баталіонъ выступилъ снова, и снова прокладывалъ себѣ и безоружнымъ товарищамъ своимъ дорогу пулей и штыкомъ. Горцы неотвязчиво и дерзко преслѣдовали отрядъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, почти до самыхъ воротъ крѣпости. Каждый кустъ и каждый камень былъ снова занятъ и снова

надлежало выбивать отчаяннаго непріятеля изъ каждой ямки штыкомъ.

Часто оглядывались моряки наши на дымящіяся остатки своего фрегата! гуще и гуще разстилался дымъ клубомъ и наконецъ страшный, потрясающій взрывъ возвѣстилъ о кончинѣ и разрушеніи его. Россіянки уже нѣтъ; но она умерла геройскою смертію, умерла какъ нѣкогда мать Москва наша, нашъ фениксъ, кинувшись въ ярое пламя. Со злобною местію горцы усилили натискъ свой непосредственно послѣ взрыва — но крѣпостныя ядра разсѣяли толпы дерзкихъ хищниковъ, ворота растворились и приняли гостепріимно бездомныхъ скитальцевъ.

XVIII. СУХОЖИЛЬНОЕ ПРИВИДѢНІЕ.

Въ Николаевѣ нашего Поцѣлуева начали уже забывать, тѣмъ болѣе, что баронъ, этотъ неотступный дядька его, и самъ, въ слѣдъ за Смарагдомъ, какъ мы это вскорѣ увидимъ, уѣхалъ. Вспоминала о Смарагдѣ,

какъ говорятъ, Надя, и то про себя, да вспоминали кой–какія маменьки, покуда не обзавелись новымъ адъютантомъ, провожатымъ и подручникомъ. Сплетни уснули. Въ Севастополѣ напротивъ, гдѣ Смарагдъ мелькнулъ только падучею звѣздою, гдѣ его въ домахъ почти не знали и не видали, между тѣмъ какъ молва разгласила, менѣе чѣмъ въ сутки, по цѣлому городу геройскій подвигъ его, въ Севастополѣ онъ былъ и за глаза въ чести и въ славѣ, и всѣ хотѣли его видѣть. Дѣвица, которую онъ спасъ, была въ то время царицей тогдашняго Севастопольскаго общества; все кружилось въ свѣтскомъ вихрѣ у подножія престола ея; походный жертвенникъ воздвигался передъ нею всюду, гдѣ бы она ни явилась, куда бы ни пошла — и ѳиміамъ на немъ не угасалъ; жрецовъ неутомимыхъ было много. По этому и не мудрено, что происшествіе надѣлало много шуму въ городѣ; а какъ никто въ своей землѣ пророкомъ не бываетъ, то Смарагду очень къ стати пришлось явиться передъ подвигомъ своимъ

съ чужой стороны и отплыть опять за море. Кто онъ? откуда? какой Поцѣлуевъ? каковъ онъ собой? на кого похожъ? это составляло любимую бесѣду Севастопольскаго общества, въ теченіе первыхъ двухъ недѣль; прекрасная незнакомка наша, алѣя и краснѣя, должна была сто разъ на день давать объ этомъ отвѣтъ и отчетъ любопытнымъ. Впрочемъ, темная молва о похищенномъ поцѣлуѣ, разнеслась даже и до Севастополя; но это придавало молодому мичману, въ глазахъ многочисленныхъ партизанокъ его, еще болѣе занимательности.

Между тѣмъ какъ его забывали въ Николаевѣ и припоминали въ Севастополѣ, нашего Смарагда внесли въ Сухумскія ворота на солдатскомъ плащѣ; молодой мичманъ все еще былъ безъ памяти. Много народу, по крайней мѣрѣ для Сухума, гдѣ праздной толпы почти нѣтъ — много людей сошлось у крѣпостныхъ воротъ, встрѣтить бѣдствующихъ. Тутъ же стоялъ и старикъ, высокій, благовидный, въ весьма потертомъ мундирномъ сертукѣ, безъ эполетъ или

погоновъ, съ лицемъ выразительнымъ и благороднымъ. Въ общности, осанка его бросалась въ глаза и располагала очень въ его пользу; въ частности, какая–то отличительная черта по обѣ стороны сомкнутыхъ губъ, по угламъ устъ, придавала лицу его выраженіе умнаго, разсудительнаго, честнаго человѣка, сильнаго духомъ и покорнаго судьбѣ. Замѣчу мимоходомъ, что черта эта въ особенности свойственна русскому лицу подобнаго разбора.

Когда четыре мушкетера, несшіе Поцѣлуева, поровнялись съ незнакомымъ старикомъ этимъ, онъ вздохнулъ глубоко, снялъ фуражку, перекрестился и спросилъ ихъ: «живъ?» живъ, некакъ, отвѣчали мушкетеры, только ошибъ обморокъ. Старикъ подошелъ скорыми шагами къ стоявшему тутъ же коменданту, снялъ передъ нимъ фуражку, и, не накрываясь во все время разговора, просилъ позволенія принять на руки и въ домъ этого раненаго офицера. Получивъ на это позволеніе, онъ догналъ мушкетеровъ и воротилъ ихъ во

второй или въ третій домишко съ краю, отъ крѣпостныхъ воротъ.

«Спаленку очистить, Груша, сказалъ онъ вошедши женѣ своей, я постояльца привелъ! Олинька, продолжалъ онъ, обратившись къ дѣвочкѣ лѣтъ двѣнадцати, бѣги Олинька къ кумѣ, къ сосѣдкѣ, проси, чтобъ скорѣе велѣла отыскать кума, Ивана Дмитрича; скажи, что человѣкъ умираетъ: пусть не мѣшкаютъ.»

Поцѣлуева положили на постель, раздѣли, обмыли съ него кровь, Иванъ Дмитричъ, штабъ–лекарь, явился тотчасъ на зовъ кума и сдѣлалъ все какъ умѣлъ, худо–ли, хорошо–ли, какъ учили его въ былое время каѳедральные заклинатели жизни и смерти. Смарагдъ пришелъ въ себя, и первое лицо, на которое въ слѣдъ за тѣмъ упали тусклые взоры его, было блѣдное, худощавое и темножелтое лице — знакомаго намъ человѣка: барона Губерта Рудольфовича Адель–фонъ–Адельсбурга; онъ опять уже стоялъ Наполеономъ у изножья кровати, морщился, хмурился, стягивалъ губы въ жемокъ и съ участіемъ

глядѣлъ на бывшаго своего односума. Смарагдъ невольно опять зажмурился и старался сообразиться и опомниться: но Николаевъ, Севастополь, Россіянка и Сухумъ — сливались для него вмѣстѣ: милая, незлобная Надя — и несносный, незваный свидѣтель; очаровательная, черноглазая Гречанка и страшное привидѣніе утопленницы, несчастной тетки ея, которую Смарагдъ видѣлъ въ безпамятствѣ своемъ; рѣзвая и могучая среди необъятнаго, зеленаго моря Россіянка, и неистовый ревъ урагана, оглушительный гулъ водяныхъ громадъ, и мѣрный, потрясающій душу, стукъ киля о твердое дно морское — наконецъ мягкая постель, которая не качается качелями, а стоитъ на своихъ ногахъ, общая тишина и спокойствіе, и тутъ же ненавистное лице рыцаря въ пѣхотномъ мундирѣ — все это слилось для Смарагда въ какую–то несвязную грезу; предавшись волѣ судьбы, онъ зажмурился и спокойно ожидалъ развязки.

XIX. КОМИСАРЪ 13 КЛАССА СУХОДОЛЬНЫЙ.

Лѣтъ тому семьдесятъ, и десяткомъ больше или меньше, было время знаменитое. Двѣ войны съ Польшею и возвращеніе Россіи шести нынѣшнихъ губерній, населенныхъ не Поляками, а Русскими; двѣ войны съ Турціей, и тутъ опять расширеніе предѣловъ на югъ и взятіе Крыма; война со Швеціей, война съ Персіею; Суворовъ, Румянцевъ, Орловъ, Потемкинъ, Державинъ — новые *наказы, уложенія, учрежденія* — основаніе Академій, введеніе ассигнацій; а между тѣмъ надобно было смирять и внутреннія смуты: Пугачева, яицкихъ казаковъ, чуму — обо всемъ этомъ много разсказывалъ Иванъ Степановичъ Суходольный, который охотнѣе всего разговаривался, когда его зывали запросто старикомъ, дѣдушкой, не поминая ни родомъ, ни племенемъ, ни званіемъ.

Иванъ Степановичъ былъ на вѣку своемъ и Совѣстнымъ Судьею, завѣдывалъ и Приказомъ Призрѣнія, когда всѣ заведенія эти и Опекунскіе Совѣты только что учредились; былъ онъ потомъ и намѣстникомъ одной изъ понизовыхъ губерній; и наконецъ, важивалъ, въ свое время, умную и громкую рѣчь и въ Сенатѣ, когда только что раздѣлили его на департаменты; словомъ, Иванъ Степановичъ былъ на свой пай и на свой вѣкъ человѣкомъ. Но нашлись люди, которые не взлюбили громкую и сильную рѣчь его и прямиковое слово: стали подъискиваться и подкапываться подъ Суходольнаго, очернили его; кровь въ немъ закипѣла ключемъ — Иванъ Степановичъ сталъ оправдываться горячо, можетъ быть гораздо жарче, нежели слѣдовало, и кончилъ тѣмъ, что далъ оплеуху такому человѣку, который битъ по щекамъ еще не бывалъ. Разумѣется, что тутъ не могло уже быть никакого оправданія. Суходольнаго услали на жительство въ Березовъ; — пусть

де его тамъ горячится, по маленьку простынетъ.

Но Иванъ Степановичъ не простылъ и не остылъ, хоть и зябъ иногда, сказываетъ, въ землянкѣ своей. Никогда и ни на кого не пенялъ онъ за участь свою; онъ говорилъ напротивъ, что ему было бы больно за правосудіе отечества своего, если бы онъ не былъ наказанъ. Но Иванъ Степановичъ и на восмидесятомъ году говорилъ съ тѣмъ же жаромъ, рѣзалъ такую же отчаянную правду; глаза у него все еще сверкали звѣздочками, кровь вступала въ лице, когда начиналъ онъ разсказывать, какъ что было, и какъ бы, по его, чему быть слѣдовало.

Отъ первой, скончавшейся жены, у Ивана Степановича дѣтей не было; онъ нашелъ себѣ Сибирячку, рослую, здоровую, умную, женился на 50 году и прижилъ сына. Иванъ Степановичъ жилъ съ хозяйкою своею и сыномъ трудами рукъ своихъ: бѣдно, скудно, но жилъ не кланяясь никому; отказавшись на всегда отъ головоломной работы, отъ всѣхъ затѣй, надеждъ и замысловъ, желая быть тѣмъ,

чѣмъ его теперь сдѣлали, Иванъ Степановичъ взялъ топоръ въ руки, и, по примѣру знаменитаго предшественника своего въ Березовѣ, сдѣлался плотникомъ. Суходольный дѣйствительно, на старости лѣтъ, топоромъ своимъ заработывалъ себѣ и своимъ насущный хлѣбъ. Пусть читатель заключитъ изъ этого о силѣ духа и твердости воли Суходольнаго.

Рожденный, вспоенный и закаленный въ бѣдствіяхъ сынъ его, Степанъ, не многимъ чѣмъ развѣ отсталъ отъ отца. Когда же милостивое прощеніе дошло изъ отдаленной столицы до концесвѣтнаго Березова, то Суходольный лежалъ уже на одрѣ смерти; но онъ сказалъ, заливаясь слезами, сыну: «Видишь ли, Степанъ, что Русскіе Цари старыхъ слугъ своихъ, и виноватыхъ, не забываютъ? Ступай, когда схоронишь меня, да служи: руки, ноги у тебя здоровыя, далъ Богъ и голову на плечахъ, не хуже чѣмъ у людей, а инаго, Степанъ, мы съ тобою и за поясъ заткнемъ; ступай да служи, отслуживай за меня, я остался въ долгу. Большимъ человѣкомъ не быть тебѣ, есть

тамъ безъ насъ, и съ именемъ, и съ чинами; да и не въ томъ сила: свой кругъ данъ всякому; гдѣ Государь указалъ быть мѣсту, тамъ нуженъ и человѣкъ, надолбу не поставишь и въ повытчики. Мать–Государство наше разростается во всѣ концы; гдѣ были степи, тамъ сто¥тъ города — вездѣ нужны люди; а ты, Степанъ, будешь человѣкомъ, это могу сказать тебѣ теперь, потому, что съ того свѣта уже не отзовусь. Ступай и служи; иди противъ неправды, ѣшь хлѣбъ, къ которому ты, благодаря Бога, уже привыкъ, да запивай его водой, а за правду стой; но не бери примѣра съ отца, не горячись: гдѣ силъ твоихъ нѣтъ, тамъ терпи да молчи.»

Недѣли черезъ двѣ, Степанъ положилъ отца въ могилу, въ мерзлую землю, которая во вѣки вѣковъ на глубинѣ не отходитъ, потому, что морозъ прохватываетъ ее глубже, чѣмъ тепло солнечное. Матери Степана, вдовѣ, не хотѣлось заѣзжать въ Россію, какъ Сибиряки называютъ нашу, европейскую половину государства, и

Степанъ отправился одинъ, *служить,* по завѣщанію отцовскому, гдѣ случится.

Что же сдѣлалъ Степанъ нашъ и гдѣ и какую онъ сыскалъ себѣ службу Государеву? Ему было уже 18 лѣтъ; онъ не зналъ, да и не заботился о томъ, осталось ли за нимъ родовое дворянство отцовское, или было оно утрачено ссылкою; трудовая, рабочая жизнь его — а отецъ поставилъ было уже и Степана въ хорошіе плотники — жизнь эта была въ разладицѣ съ приказной строкой; Степану больно не хотѣлось упражняться съ утра до поздней ночи въ чистописаніи; думалъ онъ было итти въ солдаты, да вспомнилъ про новые города, о которыхъ говорилъ ему отецъ, пошелъ въ услуженіе къ чиновнику, который ѣхалъ изъ Казани въ Херсонъ, и тамъ записался охотою въ матросы.

Это была жизнь по немъ; жизнь работящая, ѣда плотная и сытная; будь проворенъ, будь расторопенъ, держи ухо на чекѣ, да и думай о томъ что дѣлаешь и смекай; держи въ головѣ и помни сорокъ сороковъ галсовъ, шкотовъ, гитовыхъ и

буленей, мечись за словомъ какъ угорѣлый, да дѣлай дѣло съ толкомъ; самого чорта не бойся, полезай въ него, коли велятъ, страсти не знай, да за то уже о горохѣ, кашѣ, солонинѣ и чаркѣ водки не заботься, есть всегда. Это Степану Суходольному полюбилось; черезъ годъ со днемъ сталъ онъ матросъ отличный; бывало летомъ летитъ по вантамъ, бѣгомъ по рею, и верхомъ на нокъ, къ штыкъ—боуту, и сидитъ и управляется вольно и смѣло, что казакъ на конѣ. Произвели его въ первую статью, потомъ, какъ граматнаго и бывалаго, сдѣлали рулевымъ, произвели и въ квартирмейстеры, боцманъ—маты, въ боцмана, а наконецъ, въ 14 классъ и перевели въ комисары. Нынѣ Степанъ Ивановичъ Суходольный все еще служилъ, въ чинѣ 13 класса, комисаромъ при Черноморскомъ флотѣ. Ему уже было лѣтъ подъ шестьдесятъ.

XX. ПОЦѢЛУЙ №3–Й.

Когда Поцѣлуевъ отдохнулъ немного, выпилъ чаю и опомнился, сталъ онъ наконецъ спрашивать, гдѣ онъ, и что съ нимъ? — и услышалъ, что онъ въ Сухумѣ, у комисара 13 класса Суходольнаго. Первая мысль за тѣмъ была: а баронъ? какъ онъ сюда попалъ, если я лежалъ не въ бреду? но Степанъ Ивановичъ могъ сказать только то, что капитанъ фонъ Адельсбургъ былъ переведенъ въ здѣшній гарнизонъ не давно и прибылъ всего съ мѣсяцъ, на транспортномъ суднѣ *Грузный,* приходившемъ въ Сухумъ прямо изъ Николаева, съ разными снарядами и припасами. Мы знаемъ больше, и не утаимъ дѣла: послѣ командировки почтеннаго рыцаря въ Николаевъ, на него взвели еще новую пеню: открылось, что у него былъ въ Могилевѣ опять какой–то поединокъ, по поводу мнимой или дѣйствительной обиды, нанесенной какимъ–то прапорщикомъ одной изъ Могилевскихъ дѣвицъ. За эту новую неугомонность свою, баронъ былъ переведенъ, вскорѣ по отъѣздѣ Смарагда

изъ Николаева, въ Сухумъ, куда и поспѣлъ прежде его. Узнавъ въ принесенномъ на плащѣ мичманѣ бывшаго камрата своего, благородный баронъ поспѣшилъ за нимъ, помогалъ его раздѣвать и укладывать, и предлагалъ хозяину, Суходольному, всѣ возможныя услуги и помощь свою. Онъ въ эту минуту воображалъ, что соединяетъ въ себѣ, въ одномъ лицѣ, рыцаря и сестру милосердія.

Поцѣлуеву не только довелось перелѣтовать въ Сухумѣ, но онъ жилъ тамъ до слѣдующей весны. Вѣсть о гибели фрегата дошла въ Севастополь не скоро, такъ какъ сухимъ путемъ сообщенія съ Сухумомъ нѣтъ; а позднею осенью посылать суда къ Абхазскому берегу опасно; потому, что рейдъ, стоянка, вовсе открытыя, и защиты отъ вѣтровъ нѣтъ. Такимъ образомъ одинъ только капитанъ, съ нѣсколькими офицерами, перевезены были въ Севастополь на люгерѣ или тендерѣ, зашедшемъ въ Сухумъ съ бумагами, а остальная часть экипажа и въ томъ числѣ Поцѣлуевъ, остались тамъ

зимовать. Команда и офицеры исправляли въ крѣпости гарнизонную службу. Въ этомъ отношенiи десять или одиннадцать мѣсяцевъ протекли довольно однообразно, за исключенiемъ вылазки или поиска въ горы, гдѣ задавали небольшой урокъ дерзкимъ сосѣдямъ, угонявшимъ скотъ изъ подъ самой крѣпости. Такая наука всегда помогала на нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ надобно было опять напомнить прошлое. Поцѣлуевъ при семъ случаѣ узналъ нѣсколько этотъ родъ войны и самыхъ горцевъ, тѣмъ болѣе, что дѣло не кончилось выжегомъ нѣсколькихъ ауловъ: сильныя толпы стеклись для нападенiя на небольшой отрядъ, завязывалась нѣсколько разъ рукопашная драка и Смарагду удалось влезть съ матросами своими въ завалъ, отъ котораго отчаянные горцы съ ножами въ рукахъ, съ неистовымъ крикомъ, уже дважды сряду отбили отчаяннаго барона. Какъ баронъ, такъ и Поцѣлуевъ, оба были ранены при этомъ; баронъ тяжело, пулею въ грудь, а Смарагдъ легко, но славно, обоюдоострымъ кинжаломъ въ плечо на

вылетъ. И когда нѣсколько мѣсяцевъ спустя, напечатано было въ инвалидѣ: «за отличіе въ сраженіи противъ горцевъ, мичманъ Поцѣлуевъ орденомъ св. Анны 4 степени» то Смарагдъ, привинчивая крестикъ свой къ саблѣ, поцѣловалъ его безъ всякаго ханжества; поэтъ нашъ чувствовалъ, что заслужилъ кровью своею эту награду и потому она была ему дорога.

Но все это въ разсказѣ нашемъ не главное; главное и существенное для насъ то, что Смарагдъ спознался коротко съ почтеннымъ, въ полномъ смыслѣ слова, хозяиномъ своимъ, у котораго жилъ во все время, и долженъ былъ его глубоко уважать. Безкорыстная и беззаботная къ себѣ самому душа, онъ только и дышалъ службою, былъ вѣренъ какъ замокъ, честенъ какъ добрая сума, изъ которой, что положишь, то и вынешь; праводушенъ, какъ олицетворенная истина. Комендантъ самъ сказалъ однажды, въ разговорѣ съ Поцѣлуевымъ: «хотя Суходольный и не нашего, т. е. не армейскаго, вѣдомства, но у меня здѣсь нѣтъ человѣка, на котораго я

бы могъ положиться, какъ на него; я не могу и самъ себѣ приказывать такъ какъ ему, и поручаю Суходольному многое, болѣе, чѣмъ слѣдовало бы по званію его.»

Главное также, что Смарагдъ не менѣе того уважалъ и хозяйку свою, урожденную Лезгинку или Кахетинку, взятую двухлѣтнимъ ребенкомъ на одномъ изъ дальнихъ поисковъ соединенныхъ отрядовъ внутри земель и съ приморья. Только лице и станъ напоминали въ ней горскую кровь; сама она обрусѣла совершенно, выросла въ домѣ у зажиточнаго отца семейства и получила очень порядочное образованіе. Природа одарила ее умомъ и сердцемъ, воспитаніе дало тому и другому хорошее направленіе; таковъ человѣкъ: между Ньютономъ и дикаремъ людоѣдомъ, который считаетъ только до семи, вся разница, все различіе въ одномъ воспитаніи; обмѣните ихъ въ колыбели и одинъ легко могъ бы сдѣлаться другимъ.

Главное еще, что ребенокъ Ольга необыкновенно привязалась къ Смарагду, а онъ не менѣе того къ ней. Она была

ученицей его, и время, годъ этотъ, не пропалъ, ни для него, ни для нея. Начиная съ гитары своей и почти до теоріи и практики кораблевожденія Гамалѣи, Смарагдъ передалъ Ольгѣ все, что зналъ самъ. У коменданта нашелся очень порядочный подборъ книгъ; почти все было перечитано въ теченіе длинныхъ зимнихъ вечеровъ, которые хотя въ Сухумѣ гораздо короче нашихъ петербургскихъ, но все еще довольно длинны, если сидѣть въ заперти въ крѣпостныхъ стѣнахъ. Смарагдъ не ходилъ почти никуда; ему дома было такъ хорошо, такъ укромно, пріютно, весело, что онъ не хотѣлъ болѣе ничего, какъ сидѣть съ Олинькою, да иногда еще побесѣдовать съ матерью ея и старикомъ Суходольнымъ. Старикъ и жена его, Анна Ивановна, полюбили Смарагда какъ сына, и если не было на свѣтѣ мичмана, который бы смотрѣлъ съ такимъ внутреннимъ благоговѣніемъ на комисара 13 класса, то вѣрно не было на свѣтѣ и другаго комисара 13 класса Суходольнаго.

Баронъ, правда, опять было пытался нѣсколько разъ отклонить Смарагда отъ неприличной связи съ семействомъ комисара 13 класса. — «13 класса! восклицалъ баронъ, и волосъ на немъ подымался дыбомъ; «13 класса!....» Но Смарагдъ уже болѣе барону не поддавался, былъ съ нимъ холоденъ, малословенъ и дѣлалъ что хотѣлъ. Баронъ наконецъ понялъ это, горько самъ себѣ плакался на неблагодарность людскую и оставилъ Смарагда въ покоѣ.

Когда, на слѣдующую весну, Смарагдъ спускался вечеркомъ съ небольшою командою дровосѣковъ, вооруженныхъ ружьями и полнымъ числомъ боевыхъ патроновъ, съ приморскихъ горъ, и вдругъ услышалъ радостные клики матросовъ: гляди–ка, пришелъ фрегатъ! и то пришелъ! это за нами не бось! да это никакъ Лександра — то есть Александра — когда Смарагдъ услышалъ это и глянувъ увидѣлъ передъ собою необъятное, безконечное море и флагъ съ Андреевскимъ крестомъ по бѣлому полю на Сухумскомъ рейдѣ — то

призадумался; хотя, по совѣсти, самъ не зналъ о чемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ему хотѣлось вытти наконецъ изъ Сухума, гдѣ ему вѣкъ вѣковать не приходилось; но ему что–то взгрустнулось.

Сколько неисправимый, до времени, поэтъ нашъ призадумался тутъ самъ надъ собою, надъ тѣмъ, что было съ нимъ, и что будетъ; и сколько была тутъ виновата Олинька, которой, впрочемъ, всего только на дняхъ минуло, вѣрнымъ счетомъ, столько же лѣтъ, сколько на отцѣ ея было класснаго чину — этотъ вопросъ я рѣшить не возьмусь. Привязанность была дѣтская, братская, но запала Смарагду въ душу глубоко; прощаясь съ Олинькою, онъ поцѣловалъ ее, въ присутствіи родителей и отдалъ ей на память — завѣтный перстенекъ спасенной имъ Маріи.

XXI. ОПЯТЬ ТОСКА.

Въ этой главѣ и въ слѣдующей мы захватимъ для ровнаго счету и сравнительнаго соображенія, по три года

жизни Смарагда, потому что пишемъ не дневникъ его, а только перечень извѣстнаго участка его жизни.

Когда Смарагдъ нашъ воротился въ Николаевъ, то онъ былъ, правда, еще нѣсколько времени въ этомъ вдохновенномъ состоянiи, искалъ еще на пути своемъ вправо и влѣво розъ и незабудокъ, лилiй и фiалокъ — но даже и эти невинные цвѣточки напоминали ему докучливый щитъ и гербъ несноснаго барона, и юношескаго пыла хватило не на долго; Смарагдъ иногда не доискивался цвѣтнаго стеклышка своего, а иногда оно было мутно и тускло и плохо ему служило.

Смарагдъ вошелъ на 21 году въ тѣ лѣта, въ которыя вступаютъ иные раньше, иные позже, но которыхъ человѣку съ душой ни обойти, ни объѣхать: это неминуемое послѣдствiе нашего образованiя и воспитанiя, ставящее насъ ножемъ къ ножу и зѣвъ въ зѣвъ, со свѣтомъ, гдѣ доводится жить. Мечта, которая поддерживается и развивается въ насъ воспитанiемъ, и сущность, которую находятъ въ свѣтѣ,

вмѣсто мечты своей, это собака съ кошкой; имъ ужиться нельзя, тѣмъ болѣе, что они щенкомъ и котенкомъ не свыклись, а сходятся въ первый разъ, собака, когда уже перегодовала, а кошка, старымъ и тертымъ котомъ. И кошка беретъ верхъ: не силою своею, а когтями, которые всегда держитъ про запасъ въ пушистыхъ своихъ рукавичкахъ.

Смарагдъ не ходилъ уже, какъ бывало прежде, безъ разбору во всѣ дома, гдѣ только крылечко усыпано песочкомъ и хозяинъ или хозяйка говорятъ всякому: милости просимъ; Смарагдъ не обнималъ уже болѣе встрѣчнаго и поперечнаго со слезою блаженства на глазахъ, а цѣловался съ людьми только въ пасху, и то потому, что это такъ заведено; Смарагдъ давно уже пересталъ искать вдохновительнаго поцѣлуя, давно уже не высыпалъ всей сокровищницы сердца своего передъ всякимъ, кто подаетъ ему, улыбаясь, руку; Смарагдъ видѣлъ уже въ начальникѣ своемъ только начальника, въ смыслѣ служебномъ — и прочее. Кромѣ того жизнь

его по неволѣ много походила на жизнь азіятца, то есть была тупа, бездѣйственна и тунеядна. Но то, съ чѣмъ или при чемъ благоденствуетъ Турокъ, убиваетъ европейца, коего душа требуетъ дѣятельности. Самые даже Италіянцы бѣгаютъ отъ нечего дѣлать по улицамъ и кричатъ другъ другу во все горло: fa fredo, signore, или fa caldo. Смарагдъ жаждалъ познаній, душа его требовала постоянныхъ, урочныхъ и полезныхъ занятій — а между тѣмъ онъ носилъ ее съ собою въ караулъ, на знаменитую гауптвахту въ Молдаванскомъ домѣ, иногда на перекличку въ казармы у вольнаго доку, носилъ какъ гостью, какъ чужую, и самъ видѣлъ, что этой пищи для нея было не достаточно. Вотъ почему поэтъ нашъ годъ не съ большимъ пробился, а тамъ начала его одолѣвать тоска, сердце стало изнывать, не зная по комъ и по чемъ, душа надсѣдалась, умствуя, утѣшая и болѣя сама; и бѣдный Смарагдъ не зналъ куда самому отъ себя дѣваться.

Въ это время на него находили полосами, шквалами, минуты отчаянья, которыя, послѣ безсонницы, оканчивались общимъ изнеможеніемъ и отраднымъ сномъ; находили полосами дни и недѣли, въ которыя онъ мечталъ быть, то опять таки поэтомъ, то математикомъ, то живописцемъ, то хотѣлъ сдѣлаться, по призванію, филологомъ и начиналъ учиться по гречески и по латыни; а наконецъ, совершенно отчаявшись во всякой способности своей, во всякомъ успѣхѣ, вспомнилъ Степана Ивановича Суходольнаго и расказъ про отца его, пошелъ въ науку къ столяру, съ тѣмъ, чтобы дослужить казенные годы, вытти въ отставку, бросить все и сдѣлаться столяромъ. Послѣднее вамъ покажется нелѣпо; вы скажете: надобно съ ума сойти, чтобы такая мысль зашла въ голову; а я и вамъ и всякому другому, кто только увидитъ себя въ такомъ состояніи, какъ былъ тогда Смарагдъ, отъ души посовѣтую послѣдовать его примѣру. Утомленіе тѣлесныхъ силъ, всего скорѣе и лучше

выручитъ васъ изъ этого гибельнаго состоянія, въ которомъ вамъ придется бороться долго, если захотите пересилить его однимъ только разсудкомъ. А что вы будете знать столярную работу, такъ это вамъ уже конечно нигдѣ и ни въ чемъ помѣхою не будетъ.

Смарагда, при нынѣшнемъ положеніи его, сильно подмывало на какое нибудь путешествіе, куда бы то ни было, только бы подальше и на долго; но у него не было ни средствъ, ни возможности исполнить мечты свои и онъ по неволѣ довольствовался тѣмъ, что сходилъ въ одно лѣто на канонирской лодкѣ въ Измаилъ и Килію; а въ другое, простоялъ на Очаковской брандвахтѣ и стрѣлялъ съ отчаянья куликовъ и утокъ на Кинбурнской косѣ. Зиму проводилъ онъ, какъ описалъ я выше. Между тѣмъ, случилось вотъ что: Поцѣлуевъ былъ на званомъ вечерѣ у капитана надъ портомъ, гдѣ хозяйка, отъ нечего дѣлать, спросила у только что возвратившагося отъ Абхазскихъ береговъ лейтенанта, что подѣлываетъ въ Сухумѣ

этотъ вытяжной чудакъ, баронъ, котораго мудреное прозваніе она никогда не могла упомнить. Знаю, отвѣчалъ лейтенантъ, Адель–фонъ–Адельсбургъ; онъ бѣдняжка совсѣмъ состарѣлся, сморщился пуще прежняго, страдаетъ отъ тяжелой раны, съ которою няньчится уже года съ два и съ горя вздумалъ нынѣ жениться — и на комъ бы вы думали, сударыня? этотъ пышный, великолѣпный баронъ, женится на дочери комисара 13 класса.

Слушатели заохали и заахали со всѣхъ сторонъ. Смарагдъ вспыхнулъ, потомъ обомлѣлъ, но собрался съ духомъ и спросилъ тутъ же: а кто таковъ этотъ комисаръ и какъ его зовутъ, вы не знаете? Суходольный, отвѣчалъ лейтенантъ. Это человѣкъ замѣчательный; вы вѣрно слышали объ немъ, когда зимовали въ Сухумѣ; мудрецъ въ своемъ родѣ, если хотите, и не только на словахъ, а на дѣлѣ; но человѣкъ немножко безпокойный, и потому его держатъ отъ себя подальше. Отецъ его былъ извѣстный вельможа Екатерининскихъ временъ, столбовой

дворянинъ, и былъ, кажется, сосланъ. Нашъ баронъ, доискавшись этого родоваго дворянства Суходольнаго, ухватился за него, какъ стаксель за свой лееръ: по немъ подымается, по немъ и спускается; хочетъ, видно, дожить остальной вѣкъ свой рука объ руку съ милой подругой; а невѣста, въ самомъ дѣлѣ, очень хороша, хотя еще почти ребенокъ; мать ея Лезгинка и у дочери горскій складъ и станъ. Баронъ, кромѣ того, за одинъ разъ, хочетъ спасти честь погибавшаго дворянскаго поколѣнія и принять, если дозволятъ, прозваніе: Адель–фонъ–Адельсбургъ–Суходольный.

Смарагдъ, самъ не зналъ отъ чего и за чѣмъ, такъ былъ встревоженъ этою вѣстью, что провелъ ночь въ безсонницѣ. Онъ не зналъ куда дѣвать голову и сердце свое, на него нашелъ какой–то тупикъ, столбнякъ, дурь, хандра, когда услышалъ онъ случайно, что капитанъ–лейтенантъ Балтійскаго флота Кожинцовъ назначенъ командиромъ шлюпа Благодатнаго и отправляется на немъ, весною, вокругъ свѣта. Кожинцовъ служилъ прежде въ

морскомъ корпусѣ и былъ учителемъ Поцѣлуева, преподавая въ то время *высшую теорію и морскія эволюціи*. Смарагдъ рѣшился писать къ нему съ первою почтою, напомнить о себѣ скромненько и просить убѣдительно службы и мѣста на Благодатномъ.

Не прошло шести недѣль, какъ Смарагдъ получилъ лестное письмо отъ добраго, благороднаго Кожинцова и въ слѣдъ за тѣмъ состоялся приказъ по Черноморскому флоту, о переводѣ Поцѣлуева въ Кронштатъ, съ назначеніемъ на отправляющійся въ *дальній вояжъ* шлюпъ Благодатный.

XXII. ОГЛЯНУЛСЯ.

Вотъ вамъ и три года; а другіе три протекли съ такою же неуловимою быстротою, покуда Смарагдъ пріѣхалъ въ Кронштатъ, покуда шлюпъ собрался, вооружился, отплылъ, обошелъ много земель и морей, материковъ и острововъ, и снова воротился.

Счастливъ былъ Смарагдъ, когда страстныя желанія его сбылись, когда онъ поскакалъ безъ оглядки изъ пыльнаго или грязнаго Николаева — когда ходилъ гордо въ военную гавань въ Кронштатѣ, на *вооруженіе* своего шлюпа, когда наконецъ шлюпъ вытянулся на рейдъ, угостилъ на себѣ знать кронштатскую и тутъ же снялся съ якоря; взмахнулъ крылами, отдалъ Кроншлоту громогласно честь — и полетѣлъ на долгое, долгое плаваніе, по чужимъ морямъ, по чужимъ землямъ. Счастливъ былъ, говорю, Смарагдъ, когда перевелъ духъ на свободѣ; покинувъ за собою всю суету суетъ, забылъ на время и сокрушавшее его горе; но счастливъ только въ мечтахъ, заглушивши такъ сказать временно вопіющій голосъ пробудившейся души своей; но когда Смарагдъ воротился, когда на третіе лѣто, послѣ отплытія своего, Благодатный самъ себя поздравилъ, огибая опять Кроншлотъ, съ благополучнымъ прибытіемъ на родину, тогда уже нашъ Смарагдъ былъ не тотъ; онъ былъ счастливъ въ душѣ, по опыту, по

убѣжденію. Да, Смарагдъ вступилъ на Благодатный молодымъ, по опыту въ жизни, мичманомъ, а сошелъ съ него старымъ, опытнымъ, бывалымъ лейтенантомъ, который пріобрѣлъ себѣ уже имя, славу отличнаго моряка, пріобрѣлъ вѣсъ и значеніе между товарищами, общее уваженіе между младшими, старшими и ровнями, какъ человѣкъ умный, свѣдущій, добрый и вполнѣ благоразумный. Въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ, Смарагдъ спознался самъ съ собою и съ людьми, примирился опять со свѣтомъ, нашелъ точку, гдѣ держался въ равновѣсіи со внѣшнимъ міромъ и стоялъ твердо, увѣренно, самобытно. Въ это же время Смарагдъ вовсе пересталъ писать стихи, но принялся, съ особенною охотою, за прозу; онъ увидѣлъ, что въ немъ не было настоящаго призванія къ поэзіи, что все это была одна только вспышка молодости, и онъ взялся за прозу. Прозою писать хорошо, ясно и четко долженъ умѣть всякой образованный человѣкъ; за стихи не берись никто, кромѣ урожденнаго поэта.

Смарагдъ испыталъ и пріобрѣлъ на перепутьи этомъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, друга, коимъ онъ, по всей справедливости, гордился, въ которомъ онъ души не чаялъ, любилъ и уважалъ самого себя только въ немъ. Это былъ именно Академикъ Темниковъ, отправившійся на Благодатномъ для ученыхъ изслѣдованій. Въ молодомъ человѣкѣ этомъ обширныя свѣденія по всѣмъ почти частямъ и отраслямъ наукъ, слиты были, если посмѣю такъ выразиться, съ умнымъ сердцемъ и чувствительнымъ умомъ; то есть, въ самомъ умѣ его было что–то нравственное, чувство, а не одна только холодная, отвлеченная ученость; а въ чувствахъ, въ игрѣ страстей, что–то думное, разсудительное. Они сошлись со Смарагдомъ по взаимному влеченію, и когда обнялись въ первый разъ и подали одинъ другому руку на братство, то оба прослезились; оба, съ какимъ–то страннымъ смѣшеніемъ уничиженія и чувства собственнаго достоинства, молча, пожали другъ другу руку и не умѣли высказать, что было на душѣ.

Смарагдъ не только въ эти три года пріобрѣлъ отъ друга своего хорошія и основательныя свѣденія по многимъ отраслямъ учености, но, что еще важнѣе, онъ научился быть человѣкомъ, научился уважать себя самого; а безъ этого, хоть и выйдешь въ люди, да человѣкомъ быть нельзя. Смарагдъ видѣлъ свѣтъ въ буквальномъ смыслѣ, потому что обошелъ его изъ конца въ конецъ, кругомъ; опытность, пріобрѣтаемая только путешествіями и дружба Темникова, поселили въ Поцѣлуевѣ какую–то людскость, обходительность, ладъ и мѣру въ житейскомъ быту, которую нельзя передать на словахъ, и которую даже не всякъ способенъ перенять на дѣлѣ.

Поцѣлуевъ часто расказывалъ Темникову объ этомъ дивномъ явленіи, комисарѣ 13 класса Суходольномъ, о связяхъ своихъ съ нимъ, о заботливости хозяевъ своихъ, въ то время, какъ онъ, Поцѣлуевъ, лежалъ у нихъ больной; прибавилъ еще, что когда онъ нанялъ у нихъ комнатку, со столомъ и отопкой, то

старикъ Суходольный, при всей бѣдности своей, ни подъ какимъ видомъ не согласился зачесть срокъ найма со дня прибытія Поцѣлуева въ домъ его; «бойтесь Бога, говорилъ старикъ обиженнымъ голосомъ, бойтесь Бога, Смарагдъ Петровичъ, первое время вы у насъ были гостемъ, это къ счету не йдетъ; вы извольте считать съ 1 августа, когда порядились, а что было до этого, это считать намъ будетъ обидно.» Говорилъ Смарагдъ и про Олиньку, и смѣялся страстной привязанности своей къ тринадцатилѣтнему ребенку; но при всемъ томъ не могъ нахвалиться ею и говорилъ откровенно, что дорого бы далъ, если бы могъ налюбоваться ею — не замужемъ за барономъ, а взрослой, разцвѣтшей, девятнадцатилѣтней дѣвицей.

За чѣмъ же ты хочешь забыть такихъ добрыхъ людей, сказалъ Поцѣлуеву однажды Темниковъ? Напиши или прямо къ Суходольному, или, если думаешь, что письмо его уже не застанетъ, можетъ быть, въ Сухумѣ, то напиши къ кому нибудь и

освѣдомься объ этомъ семействѣ; тебѣ отрадно будетъ услышать, гдѣ и что оно теперь.

Смарагдъ подумалъ — къ кому писать? товарищи вѣтрогоны, или станутъ смѣяться дружбѣ Поцѣлуева съ комисаромъ 13 класса, или по крайней мѣрѣ не возьмутъ на себя труда узнать и написать обо всемъ обстоятельно. Дай напишу къ Пименцову; онъ меня чай не забылъ и сослужитъ мнѣ эту службу.

Пименцовъ былъ тотъ самый Крымскій помѣщикъ, которому Поцѣлуевъ, на обратномъ пути изъ Инкермана, спасъ дочь и утопилъ троюродную по женѣ сестру. Съ первою обратною почтой Смарагдъ получилъ отвѣтъ, который отпечатаемъ здѣсь отъ слова до слова; тутъ выкидывать нечего.

XXIII. ПИСЬМО ПИМЕНЦОВА СЪ ПРИПИСКАМИ.

Получивъ письмо ваше, безконечно уважаемый благодѣтель мой, Смарагдъ

Петровичъ, я отъ радости созвалъ весь домъ свой и прочиталъ имъ всѣмъ вслухъ все, что вы пишете, отъ начала до конца; скажу вамъ напередъ, что его слушала тутъ и Олинька, Ольга Степановна, потому что и она принадлежитъ теперь къ моему семейству. Желаю, чтобы я всегда могъ съ такою точностію исполнять, къ сожалѣнію слишкомъ скромныя, ваши до меня требованія: я могу вамъ безъ труда отдать подробнѣйшій отчетъ обо всемъ, о чемъ вы у меня изволите освѣдомляться. Позвольте поблагодарить васъ отъ всей души, что вы насъ не забыли, и за тѣмъ приступить къ разсказу.

Слишкомъ два года тому, какъ тогдашній женихъ дочери моей, которая теперь замужемъ и сама кормитъ сыночка, названнаго по васъ, Смарагдомъ — два года тому, какъ женихъ моей Маши купилъ случайно гдѣ–то перстенекъ и принесъ его ей въ подарокъ: перстенекъ не мудрый, да въ немъ было пять камешковъ подрядъ: малахитъ, алмазъ, роговикъ, изумрудъ и яхонтъ — и начальныя буквы названій этихъ

составляютъ имя дочери моей, *Марія*. Вотъ почему зять принесъ ей это колечко. Она, какъ глянула, узнала тотъ самый перстенекъ, который, снявъ съ руки своей, отдала вамъ, своему спасителю. Я въ происшествіи этомъ не видалъ ничего чрезвычайнаго, но дочь — вѣроятно по свойственному полу ея во всѣхъ мелочахъ любопытству, хотя она и хвалится теперь, что сдѣлала это по предчувствію — дочь просила жениха своего неотступно, узнать, откуда и какимъ путемъ перстенекъ достался продавцу и дослѣдиться, кто получилъ его отъ васъ. Открылось, что вы подарили его дочери человѣка, который вамъ сдѣлалъ добро; и лице доброй Маріи моей прояснилось умиленіемъ и радостію, когда она узнала, какое вы сдѣлали употребленіе изъ бездѣльнаго подарка ея: она думала видѣть въ этомъ доказательство, что вы цѣнили и уважали этотъ знакъ безпредѣльной ея признательности. Но при этомъ открылось еще другое обстоятельство: старикъ Суходольный, который былъ, какъ видно

по всему, дивный человѣкъ, погибъ въ Сухумѣ на пожарѣ госпиталя, вынесши на плечахъ своихъ уже семь человѣкъ и кинувшись въ пламя за восьмымъ. Потолокъ обрушился и вѣрный слуга Государя своего, доблестный гражданинъ въ быту частномъ, нашелъ достойную себѣ смерть. И такъ объ немъ печалиться нечего; всѣ тамъ будемъ, кто раньше, кто позже; дай Богъ всякому пройти туда чрезъ такое чистилище какъ Суходольный: быть не можетъ, чтобы за это не было достойнаго возмездія. Но семейство его, жена и дочь, остались безъ насущнаго хлѣба. У Суходольнаго было на рукахъ много, кинулись по смерти его описывать да опечатовать домишко его, столы да стулья, боялись какой нибудь утраты, но у Суходольнаго нашлись всѣ дѣла въ такомъ порядкѣ, что не могли этому надивиться. Суммы, большія и малыя, всѣ на лицо, съ ярлыками; казенныя вещи, до послѣдняго, хозяйственно сбереженнаго, лоскутка сукна, также; шнуровыя книги, со строгою и ясною отчетливостію, ведены, не на

черновыхъ лоскуткахъ, а прямо на бѣло, по самый часъ смерти: послѣдняя статья внесена была поздно вечеромъ, когда уже ударили въ набатъ и закричали пожаръ. Анна Ивановна, жена его, говоритъ: кинувъ перо въ торопяхъ, Степанъ Ивановичъ закапалъ книгу чернилами и потому оставилъ ее на столѣ раскрытою; капля эта еще не засохла, когда пришли и сказали Аннѣ Ивановнѣ, что мужъ ея погибъ.

И такъ вдова и сирота остались безъ куска хлѣба; за казну Суходольный позаботился на своемъ вѣку, а за себя нѣтъ. Онъ говаривалъ бывало: «Не пропадете, матушка Анна Ивановна, на сего дня будетъ, а что день, то и сего дня. Найдется человѣкъ, что вспомнитъ меня, и хоть не ради меня, а ради себя, позаботится и о васъ.» И доблестный старикъ не обманулся, нашелся такой человѣкъ, и человѣкъ этотъ вы, Смарагдъ Петровичъ. Доискавшись по перстеньку семейства Суходольнаго, которое переѣхало, продавъ домишко въ Сухумѣ, сюда, въ Севастополь, мы вашимъ именемъ сдѣлали что могли. Вы

не хотѣли принять отъ насъ ничего; пусть же люди, которые вамъ сдѣлали добро, приняли васъ въ домъ полумертваго, молятъ Бога за васъ, какъ и мы за васъ же; и если вы скажете намъ за то спасибо, то мы готовы заплакать отъ радости, что сдѣлали угодное вамъ. Похвалюсь передъ вами, я ничего не пожалѣлъ для Суходольныхъ: почтенная Анна Ивановна не захотѣла быть праздною и нашла себѣ, для меня очень полезное занятіе по шелководному хозяйству моему; а моя милая, неоцѣненная Олинька, замѣнила намъ убылую дочь, Машу. О, Смарагдъ Петровичъ, это дитя неоцѣненное: въ два года, что она у насъ въ домѣ, она воздала намъ сторицею за всѣ заботы и попеченія наши; радости было намъ отъ нея много, очень много, а печали не бывало.

Изъ всего этого вы видите, что Олинька не выходила замужъ ни за кого, а и того менѣе за барона фонъ Адельсбурга, какъ вы, судя по письму вашему, полагаете. Баронъ дѣйствительно сватался на ней очень настойчиво, и возобновилъ даже

сватовство свое, когда былъ сдѣланъ, вскорѣ по отъѣздѣ вашемъ, плацъ–маіоромъ въ Сухумѣ; Суходольный сказалъ ему съ самаго начала, что я–де не прочь отъ этого, если Олинька согласна; и вотъ откуда взялась вѣроятно дошедшая до васъ молва. Но Олинька рѣшительно не хотѣла его знать, равно какъ и многихъ другихъ жениховъ, которые сватались на ней уже здѣсь; въ томъ числѣ отказала она также на отрѣзъ человѣку, котораго я бы желалъ называть зятемъ — я Олиньку, какъ видите, считаю дочерью своею — человѣку доброму и хорошему, не говоря уже о почетномъ званіи его и достаткѣ. Но я не только неволить ее, и уговаривать не стану: какъ знаетъ и хочетъ; мнѣ и безъ того тяжело будетъ съ нею разстаться, пусть еще поживемъ вмѣстѣ! А отъ чего она всѣмъ такъ положительно отказываетъ — этого я вамъ не скажу; есть вещи, Смарагдъ Петровичъ, которыя вслухъ не говорятся, а и того менѣе пишутся на бумагѣ; грамотныхъ много, а сердце дѣвушки государственная тайна; это священно.

Скажу вамъ однако же, что перстенекъ вашъ, послѣ всѣхъ приключеній своихъ, возвратился нынѣ въ туже сокровищницу, или въ собственность того же сокровища, которое судьба дала вамъ отыскать, въ одинокомъ, отгороженномъ отъ цѣлаго свѣта уголку азіятскаго материка. Перстень былъ проданъ въ крайней нуждѣ, для доставленія больной матери пособія и — пищи. Не хочу сокрушать сердца вашего описаніемъ этой картины: все это давно прошло и миновалось. Теперь мы счастливы и довольны. Если же кому нибудь изъ насъ, изъ нынѣшней семьи моей, и приходитъ, можетъ статься, въ сердце, или въ голову, какъ говорятъ обыкновенно, что счастье это могло бы сдѣлаться еще полнѣе и совершеннѣе, то на это невольно отвѣчаешь себѣ пошлымъ и обмолоченнымъ, но не менѣе того истиннымъ изрѣченіемъ: на землѣ нѣтъ счастья и нѣтъ совершенства.

Жена моя много кланяется вамъ и проситъ извинить; она, по русски, безграмотна; прочіе жъ члены семейства

моего припишутъ къ вамъ нѣсколько строкъ сами.

Н. Пименцовъ.

Если вы не позабыли еще той дѣвицы, которую, почти семь лѣтъ тому, 5 майя, спасли отъ ненавистной ей смерти — потому что я хотѣла пожить еще и тогда, хочу и теперь — то позвольте счастливой супругѣ и матери увѣрить васъ, что она, въ продолженіе этихъ семи лѣтъ, ни разу не позабыла включить васъ въ вечернюю молитву свою.

Марья Ногашева.

Пріѣзжай къ намъ, дядинька, у насъ хорошо и я скажу тебѣ спасибо, за то, что ты далъ мнѣ маменьку мою. Я самъ писать не умѣю; мнѣ водила маменька руку.

Смарагдъ Ногашевъ.

И такъ мы наконецъ доискались васъ, Смарагдъ Петровичъ — или, правда, мы сидѣли на одномъ мѣстѣ, а вы сами, случайно подали о себѣ вѣсточку. Я вспомнила при этомъ басенку, которую вы когда–то мнѣ читали, какъ двое пошли

искать счастья, третій сидѣлъ дома, сложа руки, а оно къ нему само и навѣдалось. Помните ли вы еще это время, когда мы читали басенку эту? Да нѣтъ; вамъ теперь не до того, вы обошли весь свѣтъ, вамъ не до темныхъ, никому неизвѣстныхъ обитателей бѣдной Сухумской лачужки! Но за что же я такъ на васъ злословлю: вы вспомнили насъ, написали къ намъ, спрашивали обо всѣхъ, и обо мнѣ! Благодарю васъ за это; я смѣло могу вамъ писать сама, вы мой учитель и наставникъ. О, прошлое время, какъ оно было хорошо! но я тогда была еще мала и глупа. Нынѣшніе благодѣтели наши благодарности отъ насъ не принимаютъ, отсылаютъ къ вамъ: а вы, къ кому вы насъ отошлете?

Ольга Суходольная.

XXIV. ОЛЬГА.

Когда Смарагдъ получилъ въ Кронштатѣ письмо это, тогда онъ, сложивъ руки и поднявъ очи къ небу, въ первый разъ отъ

роду сказалъ самъ себѣ: ты баловень судьбы, Смарагдъ Петровичъ, и другаго такого баловня у нея не было и не будетъ!

Онъ побывалъ тотчасъ же въ Петербургѣ, отправившись туда на сенатскомъ катерѣ, потому, что пароходовъ о ту пору еще у насъ не было; побывалъ только для того, чтобы пасть стрѣлой въ рабочую комнату Темникова, обнять его, подушить въ сильныхъ рукахъ своихъ, помучить съ полчаса, заставляя отгадывать содержаніе полученнаго отъ Пименцова отвѣта и потомъ молча отдать другу своему письмо; сѣсть на диванъ и смотрѣть чтецу прямо въ глаза, разгадывая, что дѣлается у него на душѣ и на сердцѣ.

Потомъ Поцѣлуевъ воротился въ Кронштатъ, съ трудомъ выждалъ отпуска, сѣлъ и поскакалъ безъ оглядки въ Севастополь. Здѣсь ждали и не ждали отвѣта на письмо, а тутъ — глядь — растворилась дверь и входитъ онъ самъ. Семейство Пименцова было въ сборѣ, за вечернимъ самоваромъ. Расписывай себѣ

всякъ свиданіе это, кто какъ умѣетъ: Ольгѣ, въ первый разъ отъ роду, сдѣлалось дурно. Въ припискѣ своей къ Поцѣлуеву была она, какъ мы видѣли, смѣла и шаловлива, воображая его вѣроятно все еще тѣмъ же молоденькимъ мичманомъ, товарищемъ дѣтства ея; но когда складный и стройный мущина съ густыми бакенбардами вошелъ, какъ съ неба свалившись, въ комнату и всѣ кинулись обнимать его и честить Смарагдомъ Петровичемъ — тогда Ольга подъ собою земли не взвидѣла, души не послышала и языка не доискалась.

Нѣтъ, сказалъ Пименцовъ, когда, не болѣе трехъ дней послѣ пріѣзда Поцѣлуева, шла уже рѣчь о приданомъ Ольги, нѣтъ, Смарагдъ Петровичъ, уже въ это дѣло вы не мѣшайтесь; это до васъ не касается. Ольга дочь моя, и моя забота одѣть и обуть ее, припасти ей денежку про черный день и благословить на новый путь жизни!

Смарагдъ отыскалъ также бывшаго односума своего, барона, въ Севастополѣ, и нашелъ его въ самомъ жалкомъ положеніи.

Тяжкія раны и Сухумская лихорадка истощили жизненныя его силы; онъ принужденъ былъ покинуть плацъ–маіорское мѣсто свое, перенести щитъ и мечъ свой, шлемъ и наручни праматери Гертруды, въ Севастополь, въ первый и ближайшій портъ, и лежалъ въ тѣсномъ, маленькомъ жильѣ уже почти на одрѣ смерти. Щитъ съ налокотниками и приборомъ висѣлъ уже не въ головахъ, а въ ногахъ барона, потому что голова у него кружилась, когда онъ взглядывалъ на сокровища эти назадъ, черезъ себя. Баронъ сдѣлался слабоуменъ, почти помѣшался на любимыхъ игрушкахъ своихъ — деньщикъ его, знаменитый Кирюшка, запилъ, покинулъ барона на произволъ судьбы — словомъ, Поцѣлуевъ и тутъ явился спасителемъ и утѣшителемъ, пристроилъ хожалую къ бѣдному барону и доставилъ ему, на все время болѣзни, столъ отъ Пименцова. Гордость барона этимъ не оскорбилась: онъ воображалъ, что все это дѣлается на собственный его счетъ и благодарилъ только Поцѣлуева за хлопоты

его и безпокойство. Баронъ былъ очень счастливъ, что нашелъ наконецъ въ Поцѣлуевѣ благороднаго, признательнаго человѣка; такъ толковалъ по крайней мѣрѣ Губертъ Рудольфовичъ заботы о себѣ Смарагда. Между тѣмъ, все основывалось на томъ, что Поцѣлуевъ открылъ случайно настоящій источникъ и виновника Николаевскихъ сплетней, относительно извѣстнаго похожденія съ Надей, въ домѣ у совѣтника; жалѣлъ о томъ, что слишкомъ торопко оскорбилъ барона, не узнавши напередъ дѣла, и хотѣлъ это чѣмъ нибудь вознаградить.

Подвѣнечное, бѣлое платье и фата были Ольгѣ необыкновенно къ лицу. Списать съ нея поличіе, особенно чернилами и тупымъ перомъ своимъ, которое я, мимоходомъ сказать, въ продолженіе этой послѣдней главы повертываю уже въ третій разъ съ боку на бокъ, на себя и отъ себя очинкой — списать съ нее поличіе не берусь; скажу однако же, что хотя она была почти также темноволоса и черноброва какъ Марія, вовсе однако же на нее не походила. Ольга,

какъ дѣва горъ, была выше, стройнѣе, въ ней не было и слѣду этой плотности, чтобы не сказать тучности стана, которую найдете, болѣе или менѣе, у всѣхъ Гречанокъ, особенно у замужнихъ. Лице у нея было болѣе кругло–продолговатое, безъ всякой остроты подбородка; голова вообще какъ–то круглѣе, общая полнота въ высшей степени соотвѣтственная стану, складу и росту. Маленькія ножки надоѣли мнѣ, господа, во всѣхъ описаніяхъ вашихъ, и потому я объ нихъ, о маленькихъ ножкахъ, говорить не стану.

Въ тотъ самый день, когда Ольгѣ исполнилось 20 лѣтъ, подруги ее убирали къ вѣнцу. Смарагдъ былъ семью годами старѣе; онъ одѣлся просто въ мундиръ, не припасъ даже шелковыхъ чулокъ и башмаковъ, не надушился и не завился. Пименцовъ былъ посаженымъ отцомъ, Маша вдѣвала невѣстѣ серги, а женихъ, сказываютъ, ступилъ въ церкви первый на подстилку.

В. ЛУГАНСКІЙ.